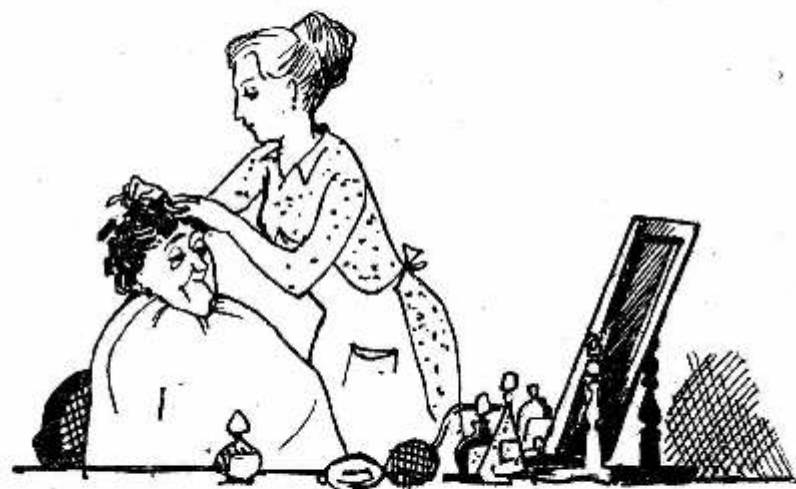

ВО-ПЕРВЫХ, САМ ЭМИЛЬ,

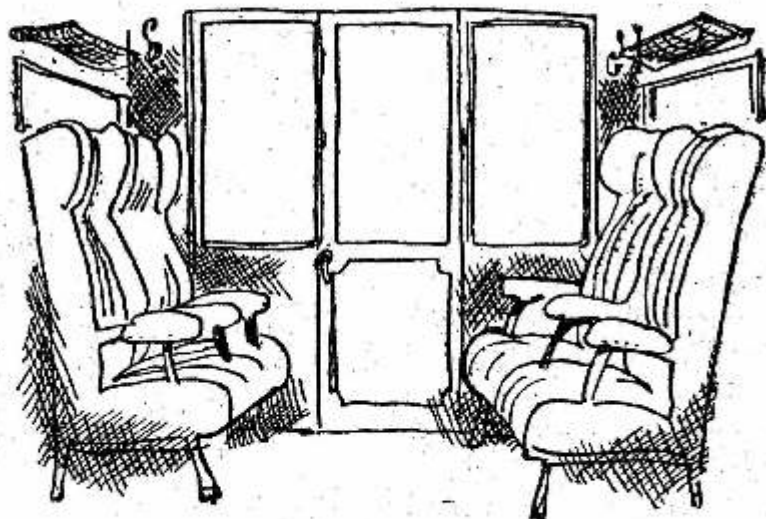
Итак, вот он, Эмиль. В тёмно-синем выходном костюмчике. Надевает он его неохотно, только когда заставляют. Ведь на синем костюме видны все пятна! И тогда мама Эмиля, зажав сына между коленями, чистит ему костюм влажной щёткой, приговаривая: «Эх, сынок, сынок, ты же знаешь, что я не могу купить тебе новый». И только тогда он вспоминает — как всегда, слишком поздно, — что мать день-деньской работает, чтобы заработать на хлеб и дать ему возможность учиться в реальном училище.

ВО-ВТОРЫХ, НАРИКМАХЕРНА ФРАЗ ТЫШБАЙН — МАТЬ ЭМИЛЯ.

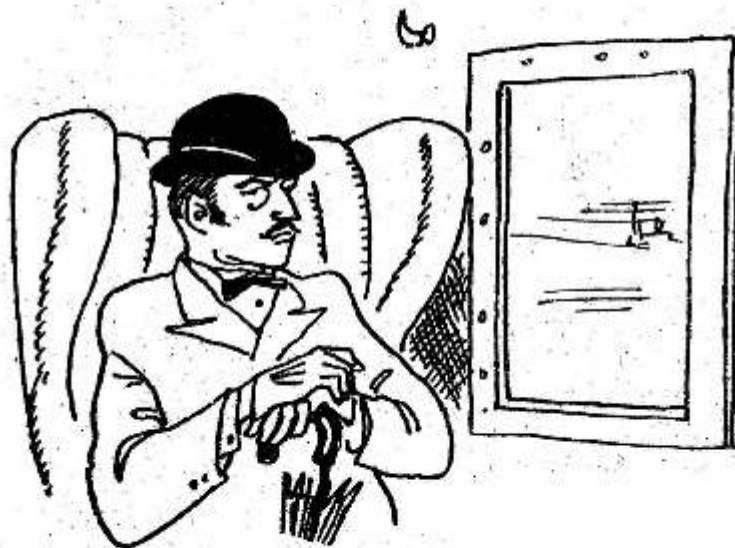
Когда Эмилю исполнилось пять лет, умер его отец, жестянщик, господин Тышбайн. И с тех пор мать Эмиля завивает щипцами волосы, делает причёски и моет головы продавщицам и другим женщинам, живущим по соседству. Кроме того, она готовит, убирает квартиру и даже с большой стирной управляет сама. Она очень любит Эмиля и рада, что может работать и зарабатывать деньги. Иногда она поёт весёлые песенки, а иногда болеет, и тогда Эмиль сам делает яичницу для неё и для себя. Это он умеет. Жарить бифштексы он тоже умеет. В сухарях и с луком.

**В-ТРЕТЬИХ, НЕМАЛОВАЖНАЯ ДЕТАЛЬ НАШЕГО РАССКАЗА —
БУНТ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ВАГОНА.**

Поезд, в котором есть это купе, идёт в Берлин. Забегая вперёд, скажу вам, что в этом купе уже в ближайших главах будут происходить весьма удивительные события. Вообще странная штука такое вот купе. Совершенно чужие люди сидят здесь рядышком, и за несколько часов они успевают столько порассказать друг другу, словно знакомы уже долгие годы. Иногда это очень мило и вполне уместно. А иногда — вовсе нет. Ведь никто не знает, что за люди ваши попутчики.

В-ЧЕТВЁРТЫХ, ГОСПОДИН В КОТЯКЕ.

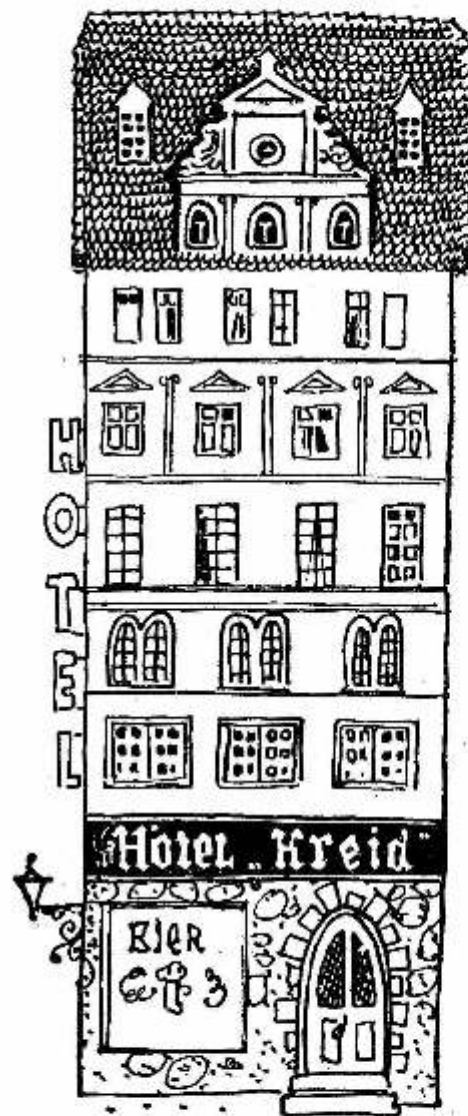
Кто он — неизвестно. Правда, считается, что о людях нельзя плохо думать, пока не убедишься, что они того заслуживают. И всё же я попрошу вас быть в этом отношении крайне осторожными, ибо, как говорится, не зная броду, не суйся в воду. Нас учат, что всякий человек хороший. Что ж, вероятно, так оно и есть, но этому хорошему человеку не всё должно сходить с рук, иначе может случиться, что он станет плохим.

В-ПЯТЫХ, ПОНИ-ШАПОЧКА, КУЗИНА ЭМИЛИ.

Эта девочка на детском велосипеде — берлинская кузина Эмиля. Кто-то считает, что надо говорить не кузина, а двоюродная сестра. Уж не знаю, как говорят у вас дома. Но лично я зову своих кузин кузинами, а не двоюродными сёстрами. И в семье Тышбайнов их тоже так зовут. Но кому это не нравится, может зачеркнуть иностранное слово «кузина» и написать сверху «двоюродная сестра». Из-за такой чепухи мы с вами ссориться не будем. А в остальном Пони-Шапочка очень милая девочка, и зовут её, конечно, совсем по-другому. Её мать — родная сестра фрау Тышбайн. А Пони-Шапочка, как вы уже догадались, — это прозвище.

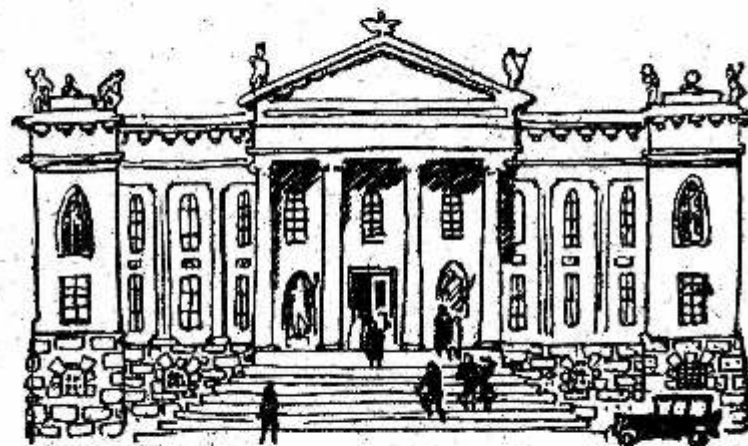
В-ШЕСТЫХ, ГОСТИНИЦА НА ПЛОЩАДИ МОЛЛЕНДОРФ.

Есть в Берлине площадь Моллендорф, и на этой площади, если не ошибаюсь, находится гостиница, где встретятся некоторые герои этой истории, но они не подадут друг другу руки. Впрочем, не исключено, что эта гостиница находится на площади Фёрбелльнер. По правде сказать, я-то точно знаю, где она находится, но хозяин этой гостиницы, как только он услышал, что я собираюсь написать книгу про Эмилю и сыщиков, прибежал ко мне и стал просить не называть её адреса. Если станет известно, что в его гостинице останавливались «такие» типы, сказал он, то это создаст ей дурную славу. С этим я не мог не согласиться. И хозяин гостиницы ушёл, несколько успокоившись.

Зовут его Густав. И по физкультуре у него всегда пятёрка. Чем он ещё может похвастаться? Довольно добрым сердцем и автомобильным клаксоном. Густава знают не только все ребята с его улицы, но и с соседних улиц тоже, и он всеми командует. Когда он обегает дворы и жмёт на грушу клаксона так, что она ревёт, будто сирена, все мальчишки бросают свои дела и мчатся вниз по лестницам, чтобы узнать, что случилось. Обычно он всего лишь набирает две футбольные команды, и ребята отправляются гурьбой на пустырь стучать мячиком. Но иногда клаксон служит и для других целей. Вот как, например, в истории с Эмилем.

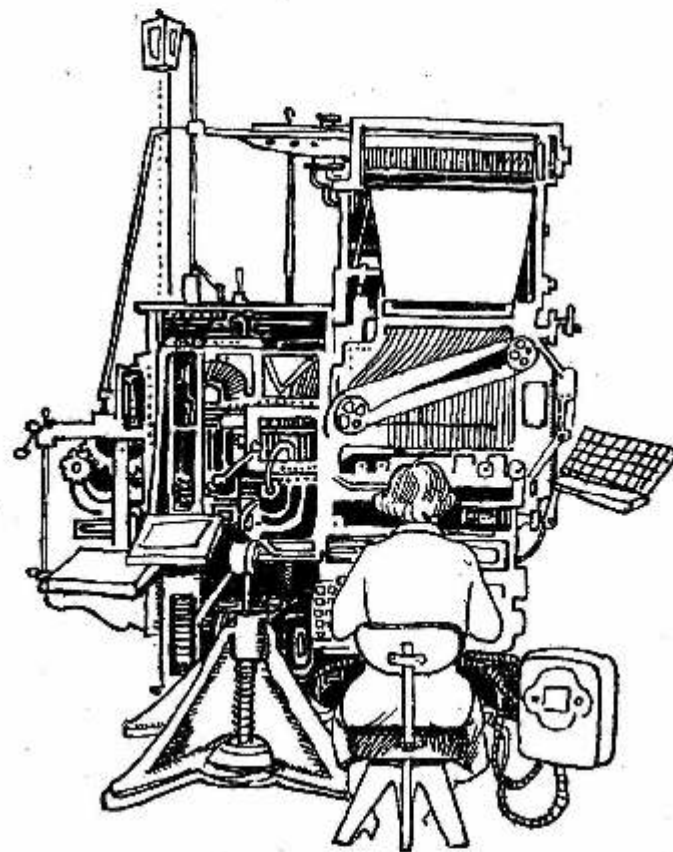
Во всех районах города большие банки имеют свои отделения. Там можно — конечно, если есть деньги, — купить акции и получить деньги наличными, конечно, если есть текущий счёт. Часто туда прибегают ученики продавцов, чтобы разменять деньги по поручению кассирши, у которой нет мелочи, чтобы давать сдачу. Вместо одной бумажки в десять марок они получают сто десятифенниговых монет. Там можно также обменять иностранную валюту — доллары, швейцарские франки или итальянские лиры на немецкие марки. Даже ночью люди иногда посещают банк, несмотря на то, что он закрыт на замок. Поэтому им приходится, так сказать, заниматься самообслуживанием.

В-ДЕВЯТЫХ, БАБУШКА ЭМИЛИ.

Это самая прекрасная бабушка из всех бабушек, которых я знал, хотя всю свою жизнь она провела в заботах и хлопотах. Просто есть на свете люди, которым не составляет ни малейшего труда быть весёлыми. А для других, напротив, это тяжёлая, мучительная работа. Прежде бабушка Эмили жила вместе с ним, а когда умер жестянщик Тышбайн, отец Эмиля, ей пришлось переехать в Берлин к другим своим дочерям, потому что мама Эмиля зарабатывает слишком мало, чтобы прокормить троих. И вот теперь бабушка живёт в Берлине, и каждое письмо, которое она пишет Эмилю и его маме, она заканчивает одной и той же фразой: «У меня всё хорошо, чего и вам желаю».

В-ДЕСЯТЫХ, ТИПОГРАФИЯ ВОЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ.

В газетах пишут обо всём, что происходит. Но, конечно, только если это что-то хоть немножко из ряда вон выходящее. Когда рождается телебюк с четырьмя погами, это никого не интересует. А вот если у него пять или шесть пог, что иногда случается, то взрослые охотно читают про это за завтраком.

Если господин Мюллер честный малый, то до него никому нет решительно никакого дела. Но вот если он разбавляет водой молоко и продаёт эту бурду за сливки, то о нём напишут в газете. Напишут, как бы он ни протестовал. Вы проходили когда-нибудь мимо типографии, где печатаются газеты? Там всё гудит, звенит, стучит так, что стены дрожат.

ну, а теперь начнём наконец наш рассказ

Глава первая

ЭМИЛЬ ПОМОГАЕТ МЫТЬ ГОЛОВУ

— А ну-ка, — сказала фрау Тышбайн, — возьми этот кувшин с горячей водой.

Сама она ваяла другой кувшин и синий флакон с шампунем и направилась из кухни в комнату. Эмиль схватил кувшин и поспешил за матерью.

В комнате, наклонившись над белым тазом, сидела женщина. Её волосы были распущены и свисали, закрывая лицо, словно охапка нечёсаной шерсти. Мама Эмиля полила эту белокурую коню шампунем и так энергично принялась тереть чужую голову, что сразу же забила пена.

— Не горячо? — спросила она.

— Терпеть можно, — ответила голова.

Ах, да ведь это жена булочника, фрау Вирт!

— Здравствуйте, фрау Вирт, — сказал Эмиль и поставил кувшин под туалетный столик.

— Тебе повезло, Эмиль, я слышала, ты едешь в Берлин, — раздалось из-под намыленных волос, и голос звучал так, словно говорившую окунули в сбитые сливки.

— Правда, сперва он не хотел ехать, — сказала мама, не переставая тереть голову фрау Вирт. — Ну, а чего мальчишке здесь зря болтаться во время каникул? В Берлине он никогда не был, а моя сестра Марта нас уже давно приглашает. Её муж зарабатывает вполне прилично, он служит на почте. Я, конечно, ехать никак не могу. Под праздники у меня самая работа.

Да он уже не маленький, сам доедет, а в Берлине на вокзале Фридрихштрассе его встретит бабушка. Она будет его ждать у цветочного киоска, чтобы с ним не разминуться.

— Берлин ему понравится. Детям там интересно. Мой муж ездил туда полтора года назад на соревнование по игре в кегли, и я с ним. Ну и сутолока! Там есть улицы, где ночью светлее, чем днём. А машин сколько! — бубнила фрау Вирт из глубины таза.

— Заграничных машин много? — спросил Эмиль.

— А почём я знаю, — сказала фрау Вирт и чихнула, потому что мыльная пена попала ей в нос.

— Ну, а теперь пойдёшь переодеться, да поживей, — поторопила его мама. — Я всё тебе приготовила. Выходной костюм лежит на кровати. Уже время собираться в путь. Как только я причёшу фрау Вирт, мы будем обедать.

— А какую надеть рубашку? — осведомился Эмиль.

— Всё лежит на кровати. Носки смотри не порви. Да не забудь сперва как следует помыться. И вдень, пожалуйста, новые шнурки в ботинки. Ну, иди — и не везись, слышишь!

— Ага, — подтвердил Эмиль и исчез.

Когда с причёской было покончено и фрау Вирт, с удовлетворением бросив взгляд в зеркало, наконец удалась, мама открыла дверь в спальню и увидела, что Эмиль с несчастным видом мечется по комнате.

— Скажи мне, пожалуйста, кто выдумал все эти выходные костюмы?

— Не знаю, а что?

— Укажи мне на этого типа, и я его убью.

— Ах ты, бедняжка! Как мне тебе не посочувствовать? Другие ребята огорчаются, что у них нет приличного костюма, а ты... Но, конечно, у каждого свои заботы... Да, чтоб не забыть: обязательно попроси у тётки Марты вечером плечики и аккуратно повесь на них костюм. А перед тем вычисти его как следует щёткой, слышишь? Смотри только не забудь! Ну, а завтра, уж ладно, можешь снова влезть в твой любимый старый свитер. Как будто всё? Чемодан твой и сложила, цветы для тётки Марты в бумагу завернула. Деньги для бабушки я дам тебе в послед-

нюю минуту. Что ж, давай обедать. Разрешите нас пригласить к столу, молодой человек!

Фрау Тышбайн обняла сына за плечи и повела его в кухню. К обеду были макароны с тёртым сыром и ветчина. Эмиль уплетал за двоих и лишь изредка вопросительно поглядывал на маму, словно желая убедиться, не обижена ли она тем, что он ест с таким аппетитом, несмотря на предстоящую разлуку.

— Как только приедешь, сразу же напишешь открытку. Я её положила в чемодан, прямо сверху.

— Слушаюсь, — сказал Эмиль и поспешно, стараясь не привлечь внимания мамы, смахнул со штанины макаронину. К счастью, мать ничего не заметила.

— Всем передай от меня привет. И смотри не зовай там на улице. Берлин — это не Нейптадт. В воскресенье дядя Роберт поведёт тебя в музей кайзера Фридриха. Так ты веди себя хорошо, чтобы потом не говорили, что здесь, в провинции, дети невоспитанны и не знают приличий.

— Всё будет как надо, даю тебе честное слово, — пообещал Эмиль.

Пообедав, они вернулись в спальню. И тогда мама вынула из шкафа жестяную коробочку, в которой лежали деньги, и стала их считать. Потом она покачала головой и снова пересчитала.

— Кто приходил ко мне вчера? — спросила она.

— Фрейлейн Томас и фрау Хомбург, — ответил Эмиль.

— Да, верно. Но всё равно не сходится, — сокрушённо сказала мама и опять погрузилась в какие-то расчёты.

Она достала бумажку, на которой записывала, сколько кто заплатил, опять стала что-то высчитывать, и в конце концов объявила:

— Не хватает восьми марок.

— Да ведь сегодня утром приходил газетщик.

— Забыла! Тогда, увы, всё сходится!

Мама даже свистнула с досады и вынула из жестяной коробочки три купюры.

— Послушай, Эмиль! — сказала она. — Вот тебе сто сорок марок. Смотри, три бумажки: одна стомаршковая и две по два-

дцать. Сто двадцать марок ты отдашь бабушке и скажешь, чтобы она не сердилась, что я в тот месяц ничего ей не послала! Вначе мне бы не свести концы с концами. Зато теперь ты сам привёз ей деньги, и даже больше, чем обычно. И крепко поцелуй её. Понял? Ну тебя останется двадцать марок. Когда придёт время возвращаться домой, ты купишь себе билет на поезд. Это будет стоить около десяти марок. Точно я не знаю. А остальные деньги ты потратишь на то, чтобы платить за себя, когда вы будете куда-нибудь ходить. Да и вообще не мешает иметь в кармане две-три марки на всякий случай. Вот в этот конверт от письма тёти Марты я вложу деньги. Смотри, не потеряй. Куда ты его спрячешь?

Мама положила три купюры в аккуратно вскрытый конверт, затем сложила его пополам и протянула Эмилю.

Эмиль подумал и сунул конверт с деньгами в правый внутренний карман, на самое дно. Потом для проверки похлопал по пиджаку в том месте, где был карман, и сказал уверенно:

— Теперь они никуда не денутся.

— Ты только никому в поезде не рассказывай, что лежат столько денег.

— Ну что ты, мамочка!

Эмиль был просто оскорблён, что мать может заподозрить его в такой глупости! Фрау Тышбайн положила несколько марок в свой кошелек и поставила жестяную коробочку назад, в шкаф. Затем она ещё раз пробежала глазами письмо сестры, где было указано время отправления и прибытия поезда, которым Эмиль должен ехать в Берлин.

Некоторым из вас, возможно, покажется, что сто сорок марок не стоит того долгого разговора, который затеяла из-за них парикмахерша Тышбайн со своим сыном. И в самом деле, когда кто-нибудь зарабатывает две тысячи, или двадцать тысяч, или сто тысяч марок в месяц, то ему несомненно так долго говорить о ста сорока марках.

Но имейте в виду, если вы этого не знаете, что большинство людей зарабатывают куда меньше. И когда ты получаешь в неделю не больше тридцати пяти марок, то сто сорок марок, сэконом-

ленные с большим трудом, — сумма огромная. Нравится вам это или нет, но это так. Для очень, очень многих людей сто сорок марок — это всё равно что миллион, и мысленно они пишут эту цифру с пятью нулями. А что такое миллион на самом деле, они даже и во сне представить себе не могут.

Как вы знаете, отца у Эмиля не было, и мама его трудилась, не покладая рук, зашивала блондинок и брюнеток, мыла им головы, чтобы заработать на жизнь и заплатить за квартиру, за газ, за уголь, чтобы купить одежду и учебники для Эмиля и внести плату за его обучение. Иногда она болела, тогда приходил доктор и прописывал лекарства. В такие дни Эмиль ставил маме компрессы и сам варил обед. А когда мама спала, он даже мыл пол, чтобы мама не сказала: «Придётся мне встать, а то такая грязь в квартире».

Можете вы это понять? И не будете вы теперь смеяться, если я вам скажу, что Эмиль во всех отношениях образцовый мальчик. Видите ли, он просто любит свою маму и умер бы со стыда, если бы был баблунши, когда она работает, не щадя себя, и экономит буквально каждый пфенниг. Вот почему он не может пойти в школу, не выучив уроков, или списать задачку, скажем, у Рихарда Неймана. Или прогулять при случае занятия. Он видит, как мама выбивается из сил, чтобы у него было всё, что есть у других реалистов. Разве можно в ответ её обманывать и огорчать?

Итак, Эмиль был, что называется, образцовым мальчиком. Это так. Но не подумайте, что он из той породы пай-мальчиков, которые ведут себя образцово из трусости, из жадности или из стариковской рассудительности. Он был образцовый потому, что хотел быть образцовым! Он принял такое решение, как принимают решение не ходить больше в кино или не есть конфет. И хотя он и принял такое решение, выполнять его ему часто бывало очень трудно.

Но когда в конце учебного года он приходил домой и говорил: «Мама, вот мой табель. Я опять первый в классе», он был счастлив. Похвадам, которые он слышал в школе, да и не только в школе, он радовался не из-за себя, а из-за матери, потому что

ей было приятно, когда его хвалили. Он гордился, что может хоть как-то отплатить ей за всё, что она, не зная усталости, делала всю свою жизнь для него...

— Ой! — воскликнула мама. — Нам пора выходить. Уже четверть второго. А поезд уходит без пяти минут два.

— Что ж, пошли, фрау Тышбайн, — сказал Эмиль матери шутливым тоном, — но имейте в виду: чемодан я понесу сам!

Глава вторая

СЕРЖАНТ ЙЕШКЕ МОЛЧИТ

Когда они вышли из дому, мама сказала:

— Если подойдёт конка, давай сядем и доедем до вокзала.

Знает ли кто-нибудь из вас, как выглядит конка? Она как раз выехала в эту минуту из-за угла и остановилась, потому что Эмиль махнул рукой. Я воспользуюсь этим, чтобы вам её быстро описать, пока она не покатилась дальше.

Конка — это прежде всего совершенно невероятная штука. Представьте, она катится по рельсам, как настоящий взрослый трамвай, и вагоны у неё как у трамвая, но тащит её не мотор, а лошадь. По мнению Эмиля и его друзей, эта кляча была позором для их родного города, и они мечтали о настоящем трамвае, который приводил бы в движение электрический ток, о трамвае с пятью прожекторами спереди и тремя сзади. Однако городской совет Нейштадта считал, что для их четырёхкилометровой линии вполне достаточно одной живой лошадиной силы. Так что об электрическом моторе пока и речи не было, и вожатый не нажимал на рычаг, а дёргал левой рукой за вожжи, а правой помахивал вполухом. Эй, пошла, пошла!

И если кто-нибудь жил, скажем, на Магистратной улице, 12 и хотел сойти у своего дома, он просто-напросто стучал вожатому в стекло, и тогда тот кричал: «Тпру!» — лошадь останавливалась, и пассажир сходил, где ему надо, хотя трамвайная остановка была расположена у дома 30 или там 46. Но нейштадтский трамвай не считался с официальными остановками. У трамвая времени было хоть отбавляй. Лошадь никуда не торопилась. И во-

жатый тоже. А жители города Нейштадта и подавно. Если же кто-нибудь случаем и в самом деле спал, то он лёд пелюком...

На Вокзальной площади фрау Тышбайн и её сын сопит. И пока Эмиль стаскивал с площадки свой чемодан, он вдруг услышал, как за его спиной прогудел густой бас:

— Что, в Швейцарию отправляетесь?

Голос этот принадлежал полицейскому сержанту Йеншке. Мать ответила:

— Нет, мой мальчик едет на неделю в Берлин, к родным.

А у Эмиля прямо в глазах потемнело. Потому что совесть у него была не чиста. Дело в том, что на днях он вместе с товарищами — их было человек двенадцать — отпрашились после урока физкультуры к памятнику великого герцога, прозванного Кринолёкким Карлом, и нахлобучили на его лысую голову старую фетровую шляпу. А потом ребята уговорили Эмиля, потому что он рисовал лучше всех, изобразить на медистал и намазывать великому герцогу красный нос и чёрные как смола усы. И в самый разгар его вдохновенной работы на углу Базарной площади появился сержант Йеншке! Ребята не растерялись — их словно ветром сдуло. Тем не менее они опасались, что сержант их узнал.

Однако Йеншке ничего не сказал про тот случай, даже, напротив, приветливо пожелал Эмилю доброго пути и осведомился, как идут дела у фрау Тышбайн.

Но всё же Эмилю было как-то не по себе. И пока он тащил свой чемодан по площади и вдалию вокзала, у него от страха дрожали колени. Он всё ждал, что Йеншке вдруг закричит ему вслед: «Эмиль Тышбайн, ты арестован. Руки вверх!» Но этого не произошло. Может быть, сержант просто ждёт возвращения Эмиля из Берлина?

Потом мама купила в кассе железнодорожный билет для Эмиля — конечно, жёсткий, — а для себя перропный. И они вышли на первый перрон — да, да, в Нейштадте целых четыре перрона! — и стали ждать поезда в Берлин. Он должен был прибыть через несколько минут.

— Смотри не забудь ничего в куле! И не садь по рассеян-

ности на букет! Чемодан надо поставить на багажную полку, — попроси кого-нибудь, тебе помогут. Только пожалуйста, пожалуйста!

— Чемодан я сам смогу поставить. Что, я девочка, что ли?

— Ладно, ладно. Не прозвонь своей остановкой. В Берлин ты приедешь в 18.17. Стелзь тебе надо на Фридрихштрассе. Смотри не сойди с рельсов, у Зоопарка или ещё где.

— Не тревожьтесь понапрасну, мама!

— Пожалуйста, не вздумай разговаривать с чужими таким дерзким тоном! И ещё — не бросай бумагу, в которую я завернула тебе бутерброды с колбасой, на пол. А главное — не потеряй деньги!

Эмиль в ужасе ощупывает свой карман там, где находится правый боковой карман, облегчённо переводит дух и говорит:

— Папа идём без потерь.

Он берёт мать под руку и прогуливается с ней вдоль перрона.

— Не работай слишком много, мамочка! И не более! А то ведь кому-то будет за тобой ухаживать. Если ты заболеешь, я тут же сяду на самолёт и прилечу домой. И ты мне тоже напиши. Я проживу в Берлине не больше недели, так и знай.

Эмиль крепко обнял маму. Она чмокнула его в нос.

И тут как раз с рёвом и грохотом прибыл поезд. Эмиль ещё раз обнял маму и, схватив чемодан, полез в вагон. Мама протянула ему букет и свёрток с бутербродами. Потом спросила, есть ли свободное место. Он кивнул в ответ.

— Итак, сойдёшь на Фридрихштрассе!

Он кивнул.

— И ведь себя как следует, разбойники!

Он кивнул.

— И не обижай Поппи-Паночку. Вы небось уж и не узнаете друг друга.

Он кивнул.

— И напиши мне.

— И ты мне тоже.

Разговор этот, конечно, никогда бы не кончился, если бы не было расписания поездов. Вдоль состава прошёл начальник пе-

езда, крича: «По вагонам! По вагонам!» Защищали дверцы купе. Двинулись рычаги паровоза, и поезд тронулся.

Мама ещё долго стояла на перроне и махала платком. Потом она медленно повернулась и пошла домой. А так как платок у неё всё равно уже был в руке, она малость всплакнула.

Но только самую малость, потому что дома её уже ждала жена мясника фрау Густина, которой надо было помыть голову и уложить волосы.

Глава третья

ЭМИЛЬ ЕДЕТ В БЕРЛИН

Войдя в купе, Эмиль снял свою школьную фуражку, поклонился и сказал:

— Добрый день, господа. Не найдётся ли здесь для меня местечка?

Месточко, конечно, нашлось. А полная дама, которая уже успела скинуть с левой ноги туфлю, потому что она ей жала, сказала своему соседу, господину, дышавшему с присвистом:

— Теперь не часто встретишь таких воспитанных детей. Я вот вспоминаю свою молодость. О боже, тогда всё было по-другому.

Говоря это, она шевелила затёкшими пальцами левой ноги. Эмиль с интересом следил за этими гимнастическими упражнениями. А сосед её так тяжело дышал, что едва смог одобрительно кивнуть.

Эмиль давно уже знал, что есть такие люди, которые по любому поводу вздыхают: «О боже, насколько прежде всё было лучше!» И если кто-нибудь при нём говорил, что прежде и воздух был лучше, и рога у быков длиннее, он пропускать это мимо ушей. Ведь в большинстве случаев это неправда, а такие люди просто ворчуны, которые цепляются за любой повод, лишь бы быть недовольными, потому что они ни за что не хотят быть довольными.

Эмиль ощущал для верности правый карман своего пиджачка и, услышав, как шуршит наветный конверт, вздохнул свободно,

к тому же пассажиры, сидящие в купе, вызвали доверие, так как не походили ни на разбойников с большой дороги, ни на убийц. Рядом со стариком, дышавшим с присвистом, сидела женщина и визала крючком шаль, а у окна сосед Эмиля, господин в чёрном котелке, читал газету.

Вдруг господин в котелке оторвался от чтения, вынул из кармана плиточку шоколада, отломил кусочек и протянул мальчику:

— Ну, как жизнь, молодой человек?

— У меня каникулы, — ответил Эмиль и взял шоколад.

Потом он почтительно вскочил, сорвал с головы фуражку, поклонился и представился:

— Меня зовут Эмиль Тышбайн.

Все в купе засмеялись. Господин в свою очередь приподнял котелок и провозгласил:

— Очень приятно. Грундайс.

Потом толстая женщина, сидевшая без левой туфли, сказала:

— Скажи-ка, живёт ли ещё в Нейштадте господин Кёрцальц, владелец магазина готового платья?

— Конечно, живёт, — обридовался Эмиль. — Вы что, его ищете? Он недавно купил немаленький участок возле магазина.

— Смотри-ка! Передай ему привет от фрау Якоб из Гросс-Грюнбау.

— Так я же еду в Берлин!

— Это ле и спеху: передашь, когда вернёшься, — сказала фрау Якоб, снова зашевелила пальцами и принялась так хохотать, что шляпа съехала ей на лоб.

— Значит, ты едешь в Берлин? — спросил господин Грундайс.

— Ага. Бабушка будет ждать меня у цветочного киоска на вокзале Фридрихштрассе, — ответил Эмиль и снова ощупал конверт. Слава богу, конверт по-прежнему шуршал.

— Ты уже бывал в Берлине?

— Нет.

— Ну, ты будешь поражён! В Берлине есть дома и сто эта-

жей, а крыши привязывают к небу, чтобы их не сдуло ветром... А если кому-нибудь нужно поскорее попасть в другой конец города, он бежит на почту, там его запаковывают в ящик и сырым воздухом гонят по трубе, как пневматическое письмо, в то почтовое отделение, куда ему надо... А если у человека нет денег, он отправляется в банк и, оставив в залог свой мозг, получает там тысячу марок. А, как известно, человек может прожить без мозга только два дня. Чтобы получить свой мозг назад, он должен вернуть банку уже не тысячу, а тысячу двести марок. Теперь изобрели такие новые медицинские аппараты...

— Видно, вы как раз и заложили свой мозг в банке, — прервал его свистящий старик и добавил: — Перестаньте болтать глупости.

Токая фрау Якоб так перепугалась, что уже не шевелила пальцами левой ноги, и даже дама, вязавшая шаль, перестала вязать.

Эмиль прилуждённо улыбнулся. Мужчины стали выяснять отношения. Эмиль подумал: «Так просто меня не купить!» — и развернул пакет с бутербродами, хотя только что пообедал. Когда он справился с третьим бутербродом, поезд остановился на какой-то большой станции. Но названия он не увидел, а что прокричал кондуктор, не расслышал. Там сошли свистящий старик, дама с вязанием и фрау Якоб из Гросс-Гришау. Правда, она чуть не проехала, потому что никак не могла всунуть левую ногу в туфлю.

— Так не забудь передать привет господину Курцхальцу, — повторила она на прощание.

Эмиль кивнул.

И он оказался в купе вдвоём с господином в котелке. Эмиль был от этого не в восторге. Человек, который раздаёт шоколад и рассказывает всякие небылицы, доверия не вызывает. Эмилю захотелось снова потрогать конверт. Но он не решился этого сделать, а подождал, пока поезд тронулся, пошёл в туалет, вынул там конверт из кармана, пересчитал деньги — все сто сорок марок были в целости и сохранности — и стал думать, как же быть. Наконец он придумал. Он взял булавку, которую на-

шёл в ладкани пиджачка, проткнул её сквозь все три купюры, сквозь конверт, а потом и сквозь подкладку кармана. Он, так сказать, притворился к себе деньги. «Теперь уже ничего не может случиться», — решил он и вернулся в купе.

Господин Грундайс, уютно расположившись в углу, спал. Эмиль обрадовался, что ему не надо поддерживать разговор, и стал глядеть в окно. Мимо проносились деревья, ветряные мельницы, поля, фабрики, стада коров, крестьяне, махающие вслед поезду. Очень интересно было наблюдать, как всё проплывало перед глазами, словно вертелась пластинка. Но нельзя же часами смотреть в окно!

Господин Грундайс продолжал спать и даже слегка похрапывал. Эмиль охотно походил бы взад-вперёд по купе, но боялся разбудить своего попутчика — меньше всего на свете он хотел, чтобы тот проснулся. Поэтому он забился в противоположный угол и стал глядеть на спящего. Интересно, почему он не снял котелка? У него было длинное лицо, тонкие чёрные усики, тысяча морщинок вокруг рта, острые оттопыренные уши.

Ой! Эмиль вздрогнул и испугался не на шутку. Он чуть было не заснул! Спать ему нельзя ни при каких обстоятельствах. Хотя бы ещё кто-нибудь вошёл к ним в купе! Поезд несколько раз останавливался, но, как назло, никто не садился. А было всего четыре часа, ехать предстояло ещё целых два часа. Он ущипнул себя за ногу... В школе, на уроках истории у господина Бремвера, это всегда помогало.

И сейчас это сработало на некоторое время. Эмиль старался себе представить, как теперь выглядит Пови-Шапочка. Но он не мог вспомнить её лица. Он помнил только, что, когда она вместе с бабушкой и тётей Мартой приезжала и последний раз в Нейштадт, она всё хотела с ним боксировать. Он, конечно, не соглашался, потому что она в весе пера, а он уж никак не меньше полумётного. Это было бы просто неприлично с его стороны, сказал он ей тогда. Если он как следует двинет ей апперкотом по скуле, она в стену врежется. Но она отстала от него, только когда вмешалась тётя Марта.

Ой, ой! Он чуть было не свалился с сиденья. Опять заснул?

Он всё щипал и щипал себя за ногу. Небось нога уже вся в синяках. И всё же это не помогало.

Попробовал считать пуговицы. Сперва сверху вниз, а потом снизу вверх. Сверху вниз он насчитал двадцать три штуки, а снизу вверх — двадцать четыре. Он откинулся на спинку сиденья и стал думать, почему получается по-разному. — И вот тут он заснул.

Глава четвёртая

СОН, В КОТОРОМ МНОГО БЕГОТНИ

Вдруг Эмилю показалось, что их поезд мчится по кругу, как игрушечный поезд по кольцу рельсов на полу комнаты. Он глядел в окно и не переставал удивляться. Круг всё сужался. Расстояние между паровозом и последним вагоном быстро уменьшалось, причём паровоз явно всё время убыстрял ход. Поезд кружился вокруг себя, словно собака, которая норовит укунить себя за хвост. А в чёрном кругу, очерченном мчавшимся поездом, стояли деревья, стеклянная мельница и огромный дом в двести этажей.

Эмиль захотел узнать, который час, и полез в карман, чтобы вытащить часы. Он их всё тащил и тащил, но никак не мог вытащить, а в конце концов у него в руках оказались стальные часы из маминной комнаты. Он поглядел на циферблат и прочёл: «185 часов километров. Плевать на пол опасно для жизни». Он снова кинул взгляд в окно. Паровоз уже совсем догонял хвостовой вагон. Эмиль очень испугался. Ведь если паровоз наскочит на этот вагон, произойдёт крушение. Это ясно, как дважды два. Эмиль не собирался сидеть сложа руки и ждать несчастного случая. Он выскочил из купе и побежал по проходу. Может, машинист просто заснул? По дороге он заглядывал в другие купе. Нигде ни души. Поезд был пуст. Кроме него, там сидел только ещё один пассажир в котелке из шоколада; он отломил на глазах у Эмиля кусочек и тут же его съел. Эмиль постучал к нему в купе и молча указал на паровоз, но человек в шоколадном котелке только рассмеялся, отломил ещё кусочек и стал себя гладить по животу — так ему было вкусно.

Наконец Эмиль добрался до тендера, потом ловко подтянулся и полез на паровоз к машинисту. Машинист сидел почему-то на козлах; в одной руке он держал вожжи, другой помахивал кнутом, словно в паровоз была запряжена лошадь. Эмиль поглядел: так оно и оказалось, причём не одна лошадь, а целых шесть пар! На копытах у всех были серебряные ролики, они катились на них по рельсам и нели!

Надо мне, надо мне в городок попасть.

Эмиль схватил возницу за плечо и закричал: «Придержите лошадей. Не то случится несчастье!» И тут он увидел, что возницей был не кто иной, как господин сержант Йешке.

Йешке окинул Эмиля пронизательным взглядом и завопил: «Кто был тогда с тобой? Кто размалевал великого герцога Карла?»

«Я», — ответил Эмиль.

«А ещё кто?»

«Не знаю!»

«Тогда будем дальше мчаться по кругу».

И сержант Йешке так ударил кнутом, что лошади встали на дыбы и поехали, уже совсем догоняя хвостовой вагон. А в том вагоне сидела, оказывается, фрау Якоб, размахивала снятой с ноги туфлей и умирала от страха, потому что лошади вот-вот могли схватить её за разутую ногу.

«Я дам вам двадцать марок, господин сержант!» — крикнул Эмиль.

«Не болтай глупости!» — заорал на него Йешке и пуще прежнего стал погонять лошадей.

Эмиль не выдержал и выпрыгнул на ходу с поезда. Он покатился по откосу и перекувырнулся двадцать раз через голову, но ничего себе не повредил. Он встал на ноги и поглядел на поезд. Поезд остановился, и все двенадцать лошадей повернули головы в сторону Эмиля. Сержант Йешке привстал на козлах; он беспорядочно бил лошадей и орал, погоняя их:

«Эй, поплыви, поплыви! За ними!»

И тогда все двенадцать лошадей соскочили с рельсов и по-

мчались на Эмиля, а вагоны закрывали следом, словно резиновые мячики.

Эмиль недолго думая пустился наутёк. Он бежал что было духу по лужайке, мимо деревьев, через ручей прямо к небоскрёбу. Иногда он оборачивался: поезд мчался за ним по пятам, сметая всё на своём пути. Только один огромный дуб стоял непреодолимый, а на него влезла толстая фрау Яноб; она сидела на ветке на самой верхушке, ветер раскачивал её, она плакала и никак не могла застегнуть свою новую туфлю. Эмиль кинулся дальше.

В доме в двести этажей были большие чёрные пороги. Он вбежал в них и выбежал с другого конца. Поезд по-прежнему мчался за ним. Эмилю больше всего на свете хотелось забиться в уголок и уснуть, потому что он ужасно устал и у него тряслись все поджилки. Но ему нельзя было спать! Поезд уже въехал в ворота дома.

Тут Эмиль увидел железную лестницу. Она шла вдоль всего дома до самой крыши. И он полез по ней. К счастью, он был хорошим гимнастом. Он лез и считал этажи. На пятидесятом этаже он отважился обернуться. Огромный дуб казался совсем крошечным, а стеклянная мельница была едва различима. Но — о ужас! — поезд и здесь ехал за ним: он полз вверх по нему. Эмиль лез всё выше и выше. А поезд грохотал где-то рядом по железным перекладинам лестницы, словно это рельсы.

Сотый этаж, сто двадцатый, сто сороковой, сто шестидесятый, сто восьмидесятый, сто девяностый, двухсотый этаж! Эмиль стоял на крыше и не знал, что делать. До него уже доносились ржанье лошадей. Он отбежал на другой конец крыши, вынул из кармана носовой платок и распернул его. Когда показались взмыленные лошади у края крыши, а за ними загрохотал поезд, Эмиль поднял платок над головой, словно парашют, и прыгнул в пустоту. Он услышал, как поезд крушил на своём пути домовые трубы... Потом Эмиль, видно, потерял на несколько секунд сознание.

И вот — плюх! — он приземлился на лужайке.

Он лежал с закрытыми глазами: ему хотелось поскорее

уснуть и увидеть какой-нибудь хороший сон. Но так как он ещё не чувствовал себя в безопасности, он кинул взгляд на небоскрёб и увидел, что на крыше всё двенадцать лошадей раскрыли зонтики. У сержанта Йешке вместо кута тоже был уже зонтик в руке, и он погонял им лошадей. Они присели на задние ноги, разнулись вперёд и прыгнули в пустоту. Посад плавно спускался на лужайку и становился всё больше и больше.

Эмиль снова вскочил на ноги и побегал по лужайке к стеклянной мельнице. Она была совсем прозрачна, и Эмиль увидел там свою маму, которая как раз мыла волосы фрау Аугустине. «Слава богу», — подумал он и вбежал через заднюю дверь в мельницу.

«Мамочка! — крикнул он. — Что мне делать?»

«Что случилось, малыш?» — спросила мама, продолжая намыливать голову.

«Погляди сквозь стену!»

Фрау Тышбайн поглядела и увидела, как лошади, а за ними поезд, приземлившись на лужайке, помчались во всю прыть прямо на мельницу.

«Так это же сержант Йешке!» — воскликнула мама и удивлённо покачала головой.

«Он давно уже гонится за мной словно бешеный».

«Почему?»

«Я на днях наматывал великому герцогу Карлу Кривощёному красный нос и чёрные усы на перлаей губе».

«А кому же ещё ты мог бы нарисовать усы?» — спросила фрау Аугустина и прыснула со смеху.

«Никому, фрау Аугустина. Но это ещё полбеды. Главное, он требовал, чтобы я назвал имена тех, кто был со мной. А этого я ему ни за что не скажу. Это дело чести».

«Эмиль прав», — сказала мама, — но что же нам делать?»

«Включите-ка мотор, милня фрау Тышбайн», — посоветовала фрау Аугустина.

Мама Эмиля нажала на такой-то рычажок у стола, и крылья мельницы пришли в движение, а так как они были из стекла, они так засияли и засверкали на солнце, что слепило глаза.

И когда лошади с поводом примчались к мельнице, они испугались, встали на дыбы и застыли на месте как вкопанные. Сервант Йенке ругался настолько громко, что это было слышно даже сквозь стеклянные стены. Но, несмотря на все его усилия, лошади не двигались с места.

«Ну вот, видите, теперь вы можете спокойно домыть мне голову, — сказала фрау Аугустина. — С вашим мальчиком ничего не случится».

Нарякмастерша Тылбайн снова принялась за работу. А Эмиль сел на стул, который тоже был из стекла, и стал пассивно наблюдать какую-то песенку. Потом он громко рассмеялся и сказал:

«Как здорово всё получилось! Если бы я знал, что ты здесь, я бы лез бы вверх по этой проклятой лестнице».

«Надеюсь, ты не лорнул свой костюм, — сказала мама, а потом спросила: — Ты деньги-то не потерял?»

Эмиль вдрогнул и с грохотом упал со стеклянного стула. Он проснулся.

Глаза мамы

ЭМИЛЬ СХОДИТ НЕ НА ТОЙ ОСТАНОВКЕ

Когда Эмиль проснулся, поезд как раз отъезжал от станции. Во время сна он упал со скамейки и лежал сейчас на полу. Он страшно перепугался. Почему, он сам ещё толком не понимал. Но сердце его ухало, как дробовой молот. Он сел на корточки, но всё ещё никак не мог сообразить, где он, собственно говоря, находится. Потом, по частям, всё вспомнил. Ну да, конечно, он же едет в Берлин. И уснул дорогой. Как тот господин в котелке... Эмиль рынком вскочил на ноги и прошептал:

— Его лез!

У него подомкнулись колени. Чисто машинально он стал отрицать свой костюм. Естественно возник вопрос: «Целы ли деньги?» Но этот вопрос внушал ему смертельный страх.

Он долго простоял, прислонившись к дверце купе. Он не решался пошевелиться. Вот там, напротив него, ещё совсем

недавно сидел и спал господин по имени Грундайс. И даже хранил. А теперь его нет. Конечно, всё могло быть в полном порядке. Ведь даже некрасиво сразу подозревать худшее. Не должны же все люди ехать до вокзала Фридрихштрассе только потому, что он сам туда едет. И деньги наверняка лежат на месте. Куда им деться? Они ведь лежат в конверте. Конверт спрятан в кармане и даже приколот булавкой и подкладке. И Эмиль опустил руку в правый внутренний карман пиджака.

Карман был пуст. Денег не было!

Эмиль порылся в кармане левой рукой. Потом стал опустывать пиджак снаружи правой. Но результат был всё тот же: карман был пуст, деньги исчезли.

— Ай!

Эмиль выдернул руку из кармана, а в руке торчала булавка, та самая, которой он проткнул для страховки конверт с деньгами. В кармане ничего не было, кроме этой булавки, и теперь она вонзалась ему в указательный палец так глубоко, что потекла кровь.

Он обмотал палец носовым платком и заплакал. Конечно, не из-за того, что пошла кровь. На такие пустяки он вообще не обращал никакого внимания. Две недели назад он с разбегу врезался в столб и стукнулся так сильно, что искры из глаз полетели, вот и до сих пор у него ещё шишка на лбу. Но тогда он и не думал плакать.

Плакал он из-за денег. Плакал он из-за мамы. И если какой-нибудь мальчишка этого не понимает, будь он хоть самый смелый, он ничего не стоит. Эмиль знал, сколько работала его мама изо дня в день, много месяцев, чтобы скопить для бабушки эти деньги и послать его в Берлин. Хорош сынок, ничего не скажешь! Едва он очутился в поезде, как уткнулся в угол, уснул, видел какой-то дурацкий сон и позволял первому встречному типу украсть деньги. Как же ему не плакать? Что ему теперь делать? Сойти на вокзале Фридрихштрассе и сказать бабушке: «Вот я и приехал. Но денег я тебе не привёз, так и знай. Наоборот. Ты мне дай поскорее деньги на обратный билет в Нейштадт. Не по шпалам же мне идти?»

Ну и история! Мама зря кошила деньги. Бабушка не получила ни пенниига. В Берлине остаться он не может. Демой ехать тоже было нельзя. И всё из-за этого господина, который угощает детей шоколадом и притворяется сиящим, чтобы потом их ограбить. Вот так дела творятся на свете!

Эмиль не без труда проглотил слёзы и огляделся. Если дёрнуть за тормоз, поезд тут же остановится. И прибежит проводник. Сперва один, потом другой, третий, и все будут спрашивать: «Что случилось?»

«У меня украли деньги», — объяснит он.

«В другой раз будешь внимательней», — скажут они. — А теперь садись на своё место. Как тебя зовут? Где проживаешь? За остановку поезда без надобности штраф сто марок. Счёт пришлёт по месту жительства».

В скором хоть можно пройти через весь состав в служебное отделение, к начальнику поезда, и заявить о краже, а в этом почтово-пассажирском не было даже прохода от вагона к вагону! Хочешь не хочешь, жди теперь следующей станции, а тем временем человек в котелке смеется. А тогда ищи-свищи, а его и след простыл. Эмиль ведь даже не знал, где он вышел. Интересно, который сейчас час? Долго ли ещё до Берлина? В окне мелькали то какие-то большие дома, то виллы с яркими цветниками, то снова грязные здания с высокими кирпичными трубами. Наверно, это уже был Берлин. На ближайшей остановке он должен позвать проводника и всё ему рассказать. А проводник тут же заявит об этом в полицию.

Только этого ему не хватало! Теперь придётся иметь дело с полицией. И сержант Йонне не будет, конечно, больше молчать: ему придётся исполнить свой служебный долг и заявить: «Ученик реального училища Эмиль Тышбайн мне что-то не нравится. Сперва он размазывает памятники, которые мы все должны чтить. А потом заявляет, что у него украли сто сорок марок. А кто знает, быть может, эти деньги у него вовсе не украли? Если мальчик размазывает памятники, то он и соврёт, не дорого возьмёт. На этот счёт у меня есть кое-какой опыт. Скорее всего, он сам закопал эти деньги в лесу или про-

глотал их, чтобы потом удрать в Америку. Чего же нам в таком случае искать вора? Реалист Тышбайн и есть вор. Господам начальникам полиции, арестуйте его, пожалуйста».

Какой ужас! Он даже не может обратиться в полицию!

Эмиль достал с полки чемодан, нахлобучил фуражку, заткнул булавку снова за лацкан и приготовился к выходу, хотя не имел никакого понятия о том, что ему предпринять. Но в этом кунс ему больше нельзя оставаться. Это, во всяком случае, было ясно.

А поезд тем временем явно замедлил ход. Эмиль поглядел в окно: путей становилось всё больше, рельсы сверкали на солнце, потом показался перрон, по нему бежали носильщики.

Поезд остановился. Эмиль прочёл название станции: «Зоопарк». Защищали первым кунс. Люди выходили. На перроне толпились встречающие. Начались обычные объятия, приветствия.

Эмиль высунулся в окно, чтобы увидеть начальника поезда. И вот тут-то он заметил вдали, в самой гуще толпы, господина в котелке. А вдруг это вор? Кто знает, может быть, украл у Эмиля деньги, он вовсе не сошёл с поезда, а перешёл просто в другой вагон?

В следующее мгновение Эмиль уже стоял на перроне и стаскивал с подножки свой чемодан. Потом он снова залез в вагон, потому что забыл взять букет, прыгнул с подножки, схватил чемодан и побежал что было духу к выходу.

Где котелок? Эмиль расталкивал людей, бил чемоданом по ногам, спотыкался, но бежал дальше. А толпа с каждой минутой становилась плотнее, и всё труднее было пробиваться сквозь неё.

Вот он! Там, у поворота, маячит котелок! Бог ты мой, а он появился ещё один котелок! Эмиль уже выбился из сил, он едва тащил чемодан. Оставить бы его где-нибудь здесь. Но нельзя, а то ещё и чемодан упродут!

Наконец он кое-как протиснулся к котелку.

А вдруг он! Оп?

Нет.

Вон там ещё котелок.

Нет... Этот человек слишком мал ростом...

Эмили, как индеец, пробираясь сквозь толпу.

Воп, воп ещё один!

Да, это он! Слава богу, это Грундайс. Он проходил как раз мимо турникета и, судя по всему, торгашка.

«Подожди, каналья, — пробормотал про себя Эмил, — ты от меня не уйдёшь!»

Он сдал контролеру билет, взял чемодан, сукул букет под мышку и побежал за Грундайсом вниз по лестнице.

Теперь всё зависело от него самого.

Глава шестая

ТРАМВАЙ 177

Больше всего Эмилю хотелось подбежать к Грундайсу, стать перед ним, расставив ноги, и крикнуть: «Гони деньги!» Но трудно было предположить, что тот ответит: «Охотно, дочка. Вот тебе вся сумма. И поверь, больше я этого делать не буду». Таким простым путём Эмил ничего бы не добился. Пока что самым главным было не потерять этого типа из виду.

Эмил прятался за спиной толстой дамы, которая шла перед ним, и лишь изредка выглядывая то справа, то слева, чтобы убедиться, что господин в котелке не пустился вдруг наутёк. А Грундайс тем временем дошёл до выхода, остановился на ступеньке, обернулся и принялся разглядывать идущих за ним людей, словно он кого-то искал. Эмил прижался совсем вплотную к толстой даме и подходил всё ближе к вору. Что же будет? Через секунду Эмил с ним поравняется, и тогда всё пропало. Может, эта женщина придёт ему на помощь? Но, скорее всего, она ему просто не поверит. А вор скажет: «Простите, сударыня, но что это вам выбрело в голову? Неужели я похож на человека, который грабит маленьких детей?» И сразу соберётся толпа, все уставятся на мальчика и будут возмущаться: «Дожили! Так кланяться на взрослых! Нет, что ни говори, современная молодёжь никуда не годится!» При одной мысли об этой сцене Эмил застучал зубами.

Но, к счастью, Грундайс вдруг перестал рассматривать толпу и вышел на улицу. Эмил мимом оказался у двери, поставил чемодан на пол и поглядел в зарешеченное стекло. У него так ныла рука!

Вор медленнее перешёл на ту сторону улицы, ещё раз обернулся и, явно успокоившись, двинулся дальше. А слева, из за угла, выехал трамвай. На нём красовался номер 177, и он затормозил на остановке.

Грундайс мгновенно раздумывал, потом влез в первый вагон и сел у окна.

Эмил снова схватил свой чемодан, прокрался, нагнувшись, мимо двери дальше по вестибюлю, нашёл другую дверь, выскочил через неё на улицу и добивал до примечного вагона как раз в тот момент, когда трамвай тронулся. Он забросил чемодан на площадку, потом, уже на ходу, сам вскочил, протащил чемодан в угол, стал рядом и только тогда перевёл дух. Уф, с этим он, кажется, справился!

Но что будет дальше? Если Грундайс спрыгнет на ходу, деньги пропадут. Потому что прятать с чемоданом Эмил не решится. Это слишком опасно.

Сколько машин! Они обгоняют трамвай, гудят, режут, а на перекрёстках им наперерез мчатся другие потоки машин. Какой шум! А тротуар весь загромождён людьми. Трамвай, двухэтажные автобусы, экипаж! На всех углах газетные киоски. Огромные витрины, от которых не оторвёшь глаз: цветы, фрукты, книги, золотые часы, готовое платье, шёлковое бельё. И высокие, высокие дома.

Вот он какой, Берлин.

Эмилю очень хотелось всё это поподробней разглядеть. Но ему было некогда: ведь в переднем вагоне сидел человек с его деньгами и мог каждую минуту выскочить и исчезнуть в толпе. И тогда — крышка. Потому что в этой толпе, среди всех этих машин, автобусов и людей, никого нельзя найти. Эмил высунул голову в окно: а вдруг этот голубчик смылся? Может, он уже одян едет в этом трамвае, не зная, куда и зачем, а бабушка тем временем ждёт его на вокзале Фридрихштрассе у частного

кроска, и ей невдомёк, что её внук катит по Берлину в трамвае 177 и что с ним стряслась такая беда. Хоть лопни с досады!

Трамвай остановился. Эмиль не сводил глаз с моторного вагона. Но никто не сошёл. Зато много народу вошло. На площадке, где стоял Эмиль, стало тесно. Какой-то дяденька начал его ругать за то, что он высовывается.

— Ты что, не видишь, люди хотят сесть! — ворчал тот.

Кондуктор, продававший в вагоне билеты, дёрнул за шнур. Раздался звонок, и трамвай покатил дальше. Эмиль снова забился в свой угол, его толкали, кто-то наступил ему даже на ноги, а он думал с испугом: «У меня ведь нет денег! Если кондуктор выйдет на площадку, я должен взять билет. А если я не возьму билета, он меня высадит. И тогда всё пропало».

Эмиль оглядел стоящих рядом с ним людей. Может, тронуть кого-нибудь за рукав и тихо попросить: «Одолжите мне, пожалуйста, деньги на билет». Но у всех такие сосредоточенные лица! Какой-то дяденька читал газету. Двое других разговаривали об ограблении какого-то банка.

— Они сделали подкоп, — рассказывал один, — проникли в помещение и спокойно вскрыли все сейфы. Похитили ценностей на несколько миллионов, не меньше.

— Точно установить, что именно унесли из этих сейфов, будет крайне трудно. Ведь люди, снимающие сейфы, не обязаны сообщать банку, что они там держат.

— Конечно, любой сломщик сейфа может теперь заявить, что у него там хранились бриллианты стоимостью в сотни тысяч марок, а на самом деле там лежала жалкая пачка малоценных бумаг или дюжина мельхиоровых ложек.

И оба засмеялись.

«Вот так точно будет и со мной, — печально подумал Эмиль. — Я скажу, что Грундайс украл у меня сто сорок марок. Но никто мне не поверит. А вор скажет, что это просто нахальство с моей стороны, что там было всего три марки пятьдесят пфеннигов. Влип же я в историю!»

Кондуктор тем временем всё приближался к площадке. Теперь он уже стоял в дверях и громко спрашивал:

— Кто ещё не взял билета? Кто ещё не взял билета?

Он отрывал от рулона большие белые листочки и особыми щипцами пробивал в них ряд дырочек.

Пассажиры, стоящие на площадке, давали ему мелочь и получали билеты.

— Ну, а ты? — обратился он к мальчику.

— Я потерял деньги, господин кондуктор, — ответил Эмиль. Потому что никто бы ему не поверил, если бы он сказал, что деньги у него украли.

— Потерял деньги? Ты мне сказки не рассказывай, мы такое уже слышали. А куда ты едешь?

— Этого... этого я ещё не знаю, — пробормотал Эмиль, запинаясь.

— Что ж, тогда сойди-ка на следующей остановке и сперва реши, куда тебе надо.

— Нет, я не могу сойти, мне обязательно надо ехать на этом трамвае. Пожалуйста, не высаживайте меня, господин кондуктор, прошу вас.

— Раз я велел тебе сойти, значит, сходи. Повятво?

— Дайте мальчику билет, — сказал дяденька, читавший газету.

И он протянул кондуктору деньги. Кондуктор оторвал Эмилю билет, но сказал с неодобрением:

— Если бы вы только знали, сколько мальчишек катаются каждый день на трамвае, и все они, как один, уверяют, что потеряли деньги, а потом смеются над нами!

— Этот не будет смеяться, — возразил дяденька с газетой. Кондуктор снова вошёл в вагон.

— Большое, большое вам спасибо, — сказал Эмиль.

— Не за что, — ответил дяденька и снова уткнулся в газету.

Трамвай опять остановился. Эмиль поспешно высунул голову, чтобы поглядеть, не сходит ли Грундайс. Но котелка на улице не обнаружил.

— Не дадите ли вы мне ваш адрес? — спросил Эмиль у человека, читавшего газету.

— А зачем тебе?

— Чтобы я мог вернуть вам деньги. Я пробуду в Берлине, наверное, неделю, и я зашёл бы к вам как-нибудь. Моя фамилия Тышбайн. Эмиль Тышбайн из Нейштадта.

— Нет, эти деньги я тебе, конечно, подарил, тут и говорить не о чем. Может, дать тебе ещё немного?

— Ни в коем случае, — твёрдо сказал Эмиль. — Я не возьму больше ни цента.

— Как хочешь. — И господин с газетой снова углубился в чтение.

Трамвай ехал, останавливался, снова ехал. Эмиль прочёл название одной широкой, красивой улицы: Кайзераллее. Он ехал и не знал, куда он едет. В переднем вагоне сидел вор. А может быть, в этом трамвае сидели или стояли ещё и другие воры. И никому здесь не было дела до Эмиля. Правда, чужой дяденька подарил ему деньги на проезд. Но потом он снова уткнулся в газету.

Город был таким огромным! А Эмиль — таким маленьким! И никто даже не поинтересовался, почему у него нет денег и почему он не знает, где ему надо сходить. В Берлине жила четьре миллиона человек. Но никому из них не было дела до Эмиля Тышбайна. Никто не хотел вникать в чужие заботы. У каждого хватало своих забот и своих радостей. И когда здесь кто-нибудь говорил: «О, я вам от души сочувствую», то чаще всего это надо понимать как: «Старик, отвяжись от меня!»

Что же будет? Эмиль тяжело вздохнул. И он почувствовал себя очень, очень одиноким.

Глава седьмая

НА ШУМАНСТРАССЕ ВОЛНЕНИЕ

Пока Эмиль, стоя на площадке трамвая 177, ехал по Кайзераллее и не имел ни малейшего понятия о том, куда он направляется, его ждали бабушка и Пони-Шапочка, его двоюродная сестра, как было условлено, на вокзале Фридрихштрассе у цветочного киоска, и всё время смотрели на часы. Много про-

ходила толпа людей с чемодами, ящиками, коробками, кожаными сумками и букетами цветов. Но Эмиль среди них не было.

— Он, наверное, очень вырос, да? — спросила Пони-Шапочка, катая взад-вперёд свой маленький никелированный велосипед.

Конечно, его незачем было брать с собой на вокзал. Но она так долго клячила, что бабушка в конце концов сдалась: «Ну уж ладно, бери, своевольница». И теперь своевольница была в прекрасном настроении и заранее радовалась восхищённым взглядам Эмиля. «Он наверняка скажет, что это мировой велик», — сообщила она бабушке тоном знатока.

А бабушка начинала беспокоиться:

— Я что-то ничего не понимаю. Уже двадцать минут седьмого. Поезд давным-давно должен был прийти.

Они подождали ещё несколько минут, а потом бабушка послала девочку спросить, пришёл ли поезд.

Пони-Шапочка и тут, конечно, не рассталась с велосипедом.

— Вы не можете мне сказать, почему опаздывает поезд из Нейштадта? — спросила она у контролёра, проверявшего билеты у выхода на перрон.

Он стоял у турникета и пробивал на каждом билете дырочки особыми пинцетом.

— Нейштадт? Нейштадт? — Он на мгновение задумался, а потом сказал: — Ах, да, 18, 17. Поезд давным-давно прибыл.

— Неужели? А мы вот стоим у цветочного киоска и ждём моего кузена Эмиля.

— Очень рад, очень рад.

— А почему это вы так радуетесь? — с любопытством спросила Пони и звякнула велосипедным звонком.

Контролёр ничего не ответил и отвернулся.

— Какой вы невоспитанный дядя! — обиженно сказала девочка. — До свидания!

Стоящие рядом люди засмеялись. Контролёр с досады прикусил губу. А Пони-Шапочка вернулась к киоску.

— Поезд уже давным-давно прибыл, бабушка.

— Что же могло случиться? — недоумевала бабушка.

Если бы он почему-либо не выехал, мать послала бы телеграмму. Неужели он выехал не на той остановке? Но ведь мы всё так точно описали.

— Ничего не понимаю, — сказала с важным видом Пони. — Скорее всего, он выехал не там, где надо. Мальчишки вообще такие бестолковые, Готова держать пари! Вот увидишь, что я права.

Им ничего не оставалось, как ждать. И они ждали. Прошло пять минут.

Потом прошло ещё пять минут.

— Больше ждать явно нет никакого смысла, — сказала Пони бабушке. — Мы можем здесь простоять ещё год. Нет ли где другого цветочного киоска?

— Пойди посмотри. Но только не задерживайся!

Шапочка снова отправилась в путь вместе со своим велосипедом и обошла весь вокзал. Другого киоска нигде не оказалось. Потом она навела какие-то справки у двух железнодорожников и вернулась с гордым видом.

— Так вот, киоска больше нет, — заявила она. — Да это было бы смешно — два цветочных киоска! Что и ещё хотела сказать? Ах да, следующий поезд из Нейштадта приходит в 20.33, то есть чуть позже половины девятого. Поэтому мы с тобой сейчас отправимся домой. А ровно в восемь я снова приеду сюда на велосипед. Если и тогда его не окажется, я напишу ему такое письмо, что будь здоров!

— Пони, как ты выражаешься!

— Такое письмо, что закачаешься, — так тоже говорят. Это тебя устраивает?

Бабушка нахмурила брови и покачала головой.

— Что-то мне всё это не нравится. Что-то мне всё это не нравится, — проговорила она. Когда она волновалась, она всегда всё повторяла два раза.

Они медленно пошли домой. Когда они подходили к мосту Вейдендаммер, Пони-Шапочка спросила:

— Бабушка, хочешь, я тебя прокачу?

— Да что ты несёшь!

— А что? Ты уж никак не тяжелее Артура Циклера, а мы часто ездим с ним вместе.

— Имей в виду, если это ещё раз повторится, отец отберёт у тебя велосипед.

— Тебе нельзя ничего рассказывать, — отрывнулась Пони.

Когда они пришли домой — они жили на Шумалиттрассе, 15, — родители Пони Хеймбольт ужасно разволновались.

Отец предложил дать матери Эмилии телеграмму.

— Ни в коем случае! — воскликнула его жена, мама Пони. — Она умрёт от страха. Мы к восьми часам ещё раз пойдём на вокзал. Может, он приедет следующим поездом.

— Будем надеяться, будем надеяться, — бормотала бабушка. — Но скажу вам прямо: что-то мне всё это не нравится, что-то мне всё это не нравится.

— И мне тоже это не нравится, — сказала Пони-Шапочка и задумчиво покачала своей маленькой головкой.

Глава восьмая

ПОЯВЛЯЕТСЯ МАЛЬЧИК С КЛАКСОНОМ

Господин в чёрном пальто сошёл с трамвая на Трауменауштрассе, угол Кайзералле. Эмиль это увидел, схватил чемодан, букет, ещё раз спал дяденьке с газетой: «Большое, большое вам спасибо» — и тонко вылез.

Вор обошёл передний вагон, пересек трамвайные рельсы и перешёл на другую сторону улицы. Трамвай поехал дальше, и тогда Эмиль снова увидел Грундайса, который сперва постоял в нерешительности на тротуаре, а потом поднялся по ступенькам на террасу кафе.

Теперь снова надо было действовать очень осторожно, чтобы не привлечь внимание хора. Эмиль быстро сориентировался: увидев на углу газетный киоск, он метнулся туда и скрылся за ним. Лучшего места, чтобы спрятаться, и придумать нельзя было: рядом стояла тумба для афиш, и вот в этот узкий проход между киоском и тумбой он поставил свой чемодан, сел на него, снял фуражку, перевёл дух и тогда только огляделся.

Тип в котелке сел тем временем за столики на террасе кафе, у перил. Он покурил сигаретку и был, видно, в отличном настроении. Эмилю казалось ужасным, что вор вообще может быть в таком отличном настроении, а тот, кого обокрали, должен страдать и чувствовать себя бессильным.

Собственно говоря, что толку прятаться за киоском, словно вор — он, а не тот тип там, на террасе. Что толку знать: вор сидит в кафе «Жости» на Кайзераллее, пьёт светлое пиво и курит сигареты? Если вору вздумается вдруг встать, придётся продолжать погоню. А если он будет сидеть на этой террасе, то Эмиль простоят за киоском, пока у него не вырастет борода. Не хватало ещё только, чтобы подошёл полицейский и сказал: «Ты здесь что-то подозрительно долго торчишь, мальчик. А ну, пошли-ка со мной по-хорошему, а не то надену наручники».

И как раз в этот момент за спиной Эмиля раздался гудок. Эмиль испуганно отскочил в сторону, обернулся и увидел мальчика, который стоял и хохотал над ним.

— Держись за воздух, а то загремишь, — насмешливо бросил мальчишка.

— А кто это гудел за моей спиной? — спросил Эмиль.

— Как — кто? Ясное дело, я. Ты, видать, не засыпный, а то знал бы, что у меня в кармане клаксон. Меня здесь все знают.

— Я из Нейштадта. А сейчас — прямо с вокзала.

— Вот оно что, из Нейштадта. Поэтому на тебе такой дурацкий костюм.

— Полегче на поворотах. А то я тебе так врежу, что будешь здоров.

— Ты что, рассердился? — спросил добродушно мальчишка. — Что ж, погода для бокса подходящая. Начнём, что ли?

— Давай отложим на потом, сейчас мне некогда, — объяснил Эмиль и поглядел на террасу, сидит ли там ещё Грундайс.

— А я думал, у тебя времени хоть отбавляй. Торчишь с чемоданом и букетом за газетным киоском, сам с собой в прятки играешь! Для таких забав надо иметь temu свободного времени.

— Нет, — сказал Эмиль, — я слежу за ворами.

Эмиль быстро спрятался за тумбу для афиш.

— За кем? Я что-то, верно, не расслышал. Ты вроде «вор» сказал. Кого же он обокрал?

— Меня! — сказал Эмиль с явной гордостью. — В вагоне. Пока я спал. Взял сто сорок марок. Я всё их бабушке, которая живёт здесь, в Берлине. Он перебрался в другое купе и сошёл на остановке «Зоопарк». Я, сам понимаешь, за ним. Он — на трамвай, я — тоже. А вот теперь он сидит там, на террасе кафе, — вон, видишь, в котелке, да ещё у него прекрасное настроение.

— Ой, старик, да это же колоссально! — восторженно завопил мальчишка с клаксоном. — Это же как в кино! Что ты собираешься делать?

— Понятия не имею. Буду идти за ним по пятам. А что дальше — ещё не знаю.

— А ты скажи полицейскому: он твоего вора живо схватит.

— Не буду. В Пейштадте был у меня один случай... короче, в полиции ко мне могут отнестись с подозрением. И если я...

— Всё понятно.

— А на вокзале Фридрихштрассе меня ждёт бабушка.

Мальчик подумал, а потом сказал:

— Классно это у тебя с вором получилось! Мировецкая история, честно! Если ты не против, я тебе помогу.

— Вот было бы здорово! Я тебе так благодарен!

— Какая чушь! Разве я могу в таком не участвовать? Меня зовут Густав.

— А меня — Эмиль.

Они пожали друг другу руки и очень друг другу понравились.

— А теперь за дело! — заявил Густав. — Если мы будем здесь просто так стоять, то добыча уйдёт у нас прямо из-под носа. У тебя есть ещё деньги?

— Ни цфеннига.

Густав тихо погудел, чтобы придумать, как быть, но это не помогло: ему ничего не пришло в голову.

— А может, — веренически начал Эмиль, — ты позовёшь ещё ребят...

— Отличная мысль! — завопил Густав в восторге. — Точно, так и сделаем. Стоит мне оббежать несколько дворов и погудеть, ребят налетит, хоть отбавляй.

— Вали беги, но возвращайся поскорее, — сказал Эмиль. — А то вдруг этот тип задумает идти дальше. Тогда мне, конечно, придётся кинуться за ним. Представляешь, ты заявишься со своей подмогой, а нас и след простыл!

— Ясно! Я тут же вернусь. Можешь на меня положиться. А этому типу принесли там, в кафе, омлет и ещё что-то. Пока он всё это не слопает, он не двинется с места. До скорого, Эмиль! Вот мировая история, прямо с ума сойти! А что ещё будет — закачаешься!

И его словно ветром сдуло.

Эмиль почувствовал огромное облегчение. Беда осталась бедой во всех случаях. Но если у тебя при этом есть друзья, которые действуют вместе с тобой, то на душе всё же становится куда легче.

Эмиль не спускал глаз с вора, который улетал будь здоров, наверное, на те деньги, что сэкономила мама. Теперь бояться надо было только одного: вдруг этот негодяй встанет и уйдёт? Тогда ни Густав со своим клаксоном, ни все остальные ребята Эмилю уже не помогут.

Но господин Грундайс был настолько любезен, что не торопился. Конечно, если бы он подозревал о заговоре ребят, о записке, в которой он вот-вот окажется, он попросил бы подать ему не омлет, а по меньшей мере самодёт, чтобы убраться отсюда поскорее. Но откуда ему было знать, что над ним сгущались такие тучи?

Не прошло и десяти минут, как Эмиль снова услышал гудок. Он обернулся и увидел, что не меньше двадцати ребят под предводительством Густава идут к нему по Траутенайштрассе.

— Стоп! — скомандовал Густав и с сияющим лицом спросил Эмиля: — Ну, что ты на это скажешь?

— Я потрясён, — ответил Эмиль и от нахлыва чувств толкнул Густава в бок.

— Итак, господа, разрешите вам представить Эмиля из

Нейштадта. Всё остальное я вам уже рассказал. Вот там, на террасе, у перил, справа, сидит эта свинья в котелке. Если мы его упустим, то мы после этого последние кретины.

— Да что ты, Густав, мы его возьмём тёпленьким, — сказал мальчик в роговых очках.

— Это — Профессор, — представил его Густав.

И Эмиль пожал Профессору руку. Потом Эмилю по очереди назвали всех остальных ребят.

— А теперь, — сказал Профессор, — валяем-ка на газ. Итак, начали. Прежде всего валите деньги.

Каждый дал всё, что у него было. Монетки так и сыпались Эмилю в фуражку. Среди них оказалась даже целая марка. Её бросил маленький мальчик, которого все звали Вторник. Он даже запрыгал от радости, что оказался таким богатым, и не награду ему поручили сосчитать деньги.

— Наш капитал, — сообщил он наконец ребятам, которые просто ложились от нетерпения, — пять марок и семьдесят пфеннигов. По-моему, эти деньги надо разделить между тремя ребятами, на случай, если нам придётся разойтись.

— Правильно, — одобрил Профессор.

Он и Эмиль получили каждый по две марки. Густаву дали марку и семьдесят пфеннигов.

— Спасибо вам, ребята, — сказал Эмиль. — Если мы его поймаем, я верну вам деньги. Что мы теперь будем делать? Прежде всего надо бы куда-нибудь деть этот чемодан и цветы. Когда начнётся погоня, это барахло будет мне здорово мешать.

— Далай-на сюда твой багаж, — сказал Густав. — Я внесу все это сейчас в кафе «Жюсти» и оставлю у буфетчика. Кстати, разгляжу нашего голубчика получше.

— Но смотри, будь осторожен! — крикнул ему вдогонку Профессор. — Этому негодю совсем не обязательно знать, что сыщики папали на его след.

— За кого ты меня принимаешь! — отрезал Густав и умчался.

Вернувшись, он сказал:

— Ну и рожа у этого господина! Так и просится на фотографию!.. Вещи твои я отдал, потом мы зайдём за ними.

— Надо бы устроить военный совет, — сказал Эмиль. — Но только не здесь: нам нельзя привлекать к себе внимание.

— Мы пойдём на площадь Никольсбург, — заявил Профессор. — Двое останутся тут караулить дачу. Пять или шесть ребят будут стоять на астафете, чтобы мы сразу узнали, если он уйдёт. И мы тут же прибегнем.

— Этим я сам займусь! — крикнул Густав и тут же принялся организовывать связь. — Я останусь здесь, на форпосте, — сказал он Эмилю, — так что не волнуйся. Мы его не пропустим. Решайте только всё побыстрее. Уже восьмой час. А теперь отпалывайте.

Густав расставил посты, а остальные ребята во главе с Эмилем и Профессором отправились на площадь Никольсбург.

Глава десятая ОШЫЩИКИ СОВЕЩАЮТСЯ

Ребята расселись — кто на две белые скамейки, стоящие друг против друга, кто на железную ограду скверика — и с серьёзными лицами стали слушать Профессора. А мальчик, которого звали Профессором, казалось, всю жизнь ждал этого дня. Вертя в руках роговые очки, точь-в-точь как его отец, советник юстиции, он вылагал план действий.

— Вполне вероятно, — начал он, — что нам вскоре придётся разделиться. Поэтому прежде всего необходимо установить телефонную связь. У кого из вас есть телефон?

Двенадцать мальчиков подняли руки.

— А у кого из вас самые сознательные родители?

— Наверняка у меня! — закричал Вторник.

— Наш номер?

— Бавария подь пять семьдесят девять.

— Вот бумага и карандаш. Крёмбигель, заготовь бызпрень-ко двадцать листочков бумаги и напиши на каждом номер Вторника. Только смотри, чтобы было разборчиво! Каждому дань такой листочек. Диспетчерский пункт всегда будет знать, где

находятся сыщики и что вообще происходит. Кому надо известить справку, позвонят Вторнику.

— Но ведь меня нет дома, — возразил Вторник.

— Нет, ты будешь дома, — заявил Профессор. — Как только кончится наш совет, ты отираешься домой, чтобы дежурить у телефона.

— А мне хочется быть с вами, я тоже хочу увидеть, как поймает вора. Не глядите, что я маленький, я смогу вам здорово пригодиться.

— Ты пойдёшь домой и будешь сидеть у телефона. Это очень ответственное поручение.

— Ладно, раз надо так надо.

А Крумбигель тем временем уже раздавал всем записочки с номером телефона. Ребята тщательно прятали их в карманы, а кто постарательнее, тут же учил номер наизусть.

— Хорошо бы организовать ещё резервный отряд, — предложил Эмиль.

— Это само собой, — сказал Профессор. — Те, кто не будут выслеживать вора, останутся здесь, на площади Никольбург. Все вы по очереди сбегаете домой и предупредите, что вернётесь сегодня поздно, а кто может, попросит разрешения остаться почевать у товарища, чтобы было подкрепление, если придётся охотиться до утра. Густав, Крумбигель, Арнольд Миттенцвей, его брат и я позвоним домой из автомата и скажем, что почевать не придём... Да, Трауготт пойдёт на диспетчерский пункт Вторника как связанной и будет бегать за ребятами на площадь, если нам кто-нибудь понадобится. Таким образом, у нас есть сыщики, резервный отряд, диспетчер и связанной. Вот и всё для начала...

— Подожди, мы ведь захотим есть, — перебил его Эмиль, — надо сделать запас продовольствия. Может быть, кто-нибудь сбежит домой и принесёт бутерброды?

— Кто живёт ближе всех? — спросил Профессор. — Миттенцвей, Герольд Фридрих Первый, Брунош, Церлэт, бегом за едой, марш!

Мальчишки умчались.

— Эй вы, лбы, — вдруг возмутился Трауготт, — всё болтаете

про еду, про телефон, про резервы, а как поймать этого гада — об этом вы и не думаете. Тоже мне... учёные...

Худшего ругательства он придумать не мог.

— А может, надо пойти где-нибудь аппарат, чтобы сделать отпечатки пальцев? — предложил Петцольд. — Впрочем, возможно, он работал в резиновых перчатках, тогда вообще ничего не удастся доказать.

Петцольд видел уже двадцать два детективных фильма, но, заметьте, умней он от этого не стал.

— Ты что, совсем обалдел! — варевол Трауготт. — Мы просто выберем подходящий момент и выкрадем у него деньги Эмиля.

— Вред! — крикнул Профессор. — Если мы украдём у него деньги, мы будем такими же ворами, как и он.

— Ну, это ты свистишь! — крикнул в ответ Трауготт. — Если у меня кто-нибудь что-нибудь украдёт, а я выкраду эту вещь назад, то я не стану вором!

— Нет, станешь! — не сдвинулся Профессор.

— Нет, не стану!

— Профессор прав, — сказал Эмиль. — Если я что-нибудь потихоньку возьму — значит, я вор. И неважно, его ли эта вещь или моя.

— Точно! — подхватил Профессор. — Кончайте трепаться. От этих разговоров толку как от козла молока. В общем так: охота началась, а как нам удастся поймать этого гада, никто пока ещё сказать не может. Поживём — увидим! Ясно только одно: надо его заставить отдать эти деньги добровольно. Выкрадывать их у него — просто idiotство.

— Нет, я всё-таки этого не понимаю, — сказал Вторник. — Как я могу угадать то, что мне принадлежит? Что моё — то моё, даже если оно лежит в чужом кармане.

— Тут есть разница, которую трудно объяснить, — сказал Профессор таким тоном, словно он читал лекцию. — С моей точки зрения, ты имеешь право так поступать. Но суд тебя всё равно осудит. Этому даже многие взрослые не понимают, но это так. Ясно?

— Неясно, — пробурчал Трауготт и пожал плечами.

— Будьте осторожны! Вы умеете незаметно красться вдоль домов? — спросил Петцольд. — А то он вдруг обернётся и вас увидит. И тогда всё пропало.

— Да, красться надо уметь, — подтвердил маленький Вторник, — поэтому я и считал, что вам пригожусь. Знаете, до чего я ловко крадусь! Мне как полицейской ищейке цены бы не было. И лаять я тоже могу.

— Попробуй-ка покрадись по Берлину, будто полицейская ищейка! — разволновался Эмиль. — Увидишь, как тебя никто не заметит! Вот если хочешь, чтобы все на тебя обратили внимание, тогда крадись!

— Но уж без револьвера-то нам никак не обойтись! — воскликнул Петцольд.

Как видите, умный Петцольд сделал ещё одно ценное предложение.

— Точно, без револьвера никак нельзя, — поддержали его два-три мальчика.

— Пет! — отрезал Профессор.

— А у ижульки наверняка есть револьвер.

Трауготт готов был спорить, на что хочешь.

— Конечно, мы идём на опасное дело, — сказал Эмиль, — а кто трусит, пусть отправляется домой.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что я трус? — спросил Трауготт и двинулся вперёд, как боксёр на ринге.

— Кончай, слышишь! — крикнул Профессор. — Драться будете завтра. Нашли время, ведёте себя как... дети.

— А мы и есть дети, — сказал маленький Вторник.

И все засмеялись.

— По-настоящему мне надо было бы написать хоть несколько слов бабушке. Ведь мои родные понятия не имеют, куда я пропал. Ещё, чего доброго, займут в полицию. Ребята, может, кто-нибудь отнесёт записку? Они живут на Шуманштрассе, дом пятнадцать.

— Валий пиши, — сказал мальчик, которого звали Вальсер, — но только быстрой, чтобы я успел домой, пока не зашурт на-

рядное. Пожалуй, мне лучше доехать на метро до Оранienбургских ворот. У кого есть мелочь?

Профессор протянул ему двадцать пфенигов на дорогу к оба конца, а Эмиль, взяв карандаш, написал на листке:

«Дорогая бабушка!

Вы все, наверное, волнуетесь, куда я пропал. Я в Берлине, но, к сожалению, не могу ещё прийти к вам, потому что у меня есть одно дело. Не спрашивайте какое. Очень важное. Только не пугайтесь. Когда всё уладится, я приду. Заранее радуюсь. Мальчик, который принесёт эту записку, — мой друг. Он знает, где я, но не имеет права рассказать. Это — тайна. Передай привет дяде, тёте и Ноппи-Шапочке.

Твой преданный внук Эмиль.

Да, мама шлёт вам всем большой привет и букет цветов, который я принесу, когда приду».

Эмиль сложил бумажку, написал адрес и сказал:

— Смотри только не проболтайся, где я, и про деньги ни слова, а то мне здорово влетит.

— Ладно, не бойся. Давай сюда твою телеграмму. Когда я вернусь, я пошлю диспетчеру, чтобы узнать, как дела. Считай-те меня в резерве.

И он убежал.

Тем временем вернулись ребята с бутербродами, а Герольд даже приволок целую колбасу. Он сказал, что её дала мама. Допустим.

Все пять мальчишек предупредили дома, что вернутся поздно. Эмиль раздал бутерброды, и каждый сунул себе в карман по одному про запас. Колбасу же отдала Эмилю, как НЗ. Потом домой побежали другие пять мальчиков, чтобы стираться ещё на некоторое время. Двое из них не вернулись — видимо, родители не разрешили.

Профессор объявил пароль, чтобы сразу было ясно, что тот, кто звонит, звонит по делу: пароль — «Эмиль». Очень легко запомнить.

Потом, пожелав сыщикам ни пуха ни пера, ушли Вторник и его связной, вечно чем-то недовольный Трауготт. Профессор

ПОГОНЯ ЗА ТАКСИ

крикнул им вдогонку, чтобы Вторник позвонил ему домой и сказал отцу, что у него неотложное дело.

— Тогда он не будет беспокоиться, и мне не попадёт.

— Чёрт пойми, — воскликнул Эмиль, — мировецкие родители у нас тут в Берлине!

— Не думай только, что все такие шёлковые, — проворчал Крумбигель и почесал затылок.

— Да нет, жаловаться не приходится. В общем, с ними можно иметь дело, — возразил Профессор. — Они ведут себя разумно: так, по крайней мере, им не врут. Я обещал своему старику «не предпринимать ничего плохого или опасного». И пока и держу слово, мне разрешают делать всё, что я хочу. Мировой мужик у меня отец!

— Да, родители что надо! — повторил Эмиль. — Но послушай, ведь сегодня может быть опасно.

— Ну что ж, тогда и потерю право делать, что хочу, — объяснил Профессор и пожал плечами. — Отец сказал, что я должен всякий раз прикинуть, как бы я себя вёл, будь он со мной. Так вот, совесть у меня чиста. Ну, а теперь нам пора...

Профессор стал перед мальчишками и крикнул:

— Сыщикам нужна ваша помощь. Действуйте! У нас есть телефонная станция. Деньги я вам оставляю. Вот у меня марка пятьдесят пфеннигов. Возьмите, Герольд, и пересчитай! Занес продовольствия у нас есть. Деньги тоже... Каждый знает номер телефона. Да, и ещё одно: кому надо домой, пусть идёт. Но не меньше пяти человек должны быть здесь всё время. Докажите, что вы настоящие мужчины! А мы тоже будем стараться изо всех сил. Если понадобится подмена, Вторник приплёт к нам Траутотта. Вопросы есть? Всё ясно? Пароль — «Эмиль».

— Пароль — «Эмиль»! — закричали в ответ мальчишки, да так громко, что вся площадь сотряслась, а у прохожих глаза на лоб полезли от удивления.

В эту минуту Эмиль был, пожалуй, счастлив, что у него украли деньги.

И тут как раз вдали показались три мальчика, из тех, что обслуживали эстафетную связь. Они бежали что было духу и махали руками.

— Помчалось, — командовал Профессор и кинулся по Кайзераллее, а за ним следом рванулись Эмиль, братья Миттенцвей и Крумбигель.

Ребята так неслись, что казалось, они намерены установить мировой рекорд. Но последние десять метров до киоска они перешли на шаг, потому что Густав подавал им какой-то знак.

— Остановились? — испуганно прошептал Эмиль.

— Ты что, обалдел, старик? — шёпотом ответил Густав. — Со мной такого не бывает.

Вор стоял на той стороне улицы, перед кафе «Жюстин», и оглядывал местность, словно находясь в Швейцарии. Потом он купил у газетчика вечернюю газету и углубился в чтение.

— Если он задумает перейти улицу, он окажется рядом с нами. Ну и полицейские!

Ребята притихли за киоском и, дрожа от волнения, по очереди выжидали из-за угла. Но вор этого явно не принимал во внимание: он с невозмутимым хладнокровием листал газету.

— Небось, глядит на-за листов, не следят ли за ним, — прошептал Миттенцвей-старший.

— Он часто смотрел в вашу сторону? — спросил Профессор.

— Да ни разу, старик. Улетал так, словно не видел не жрал.

— Внимание! — командовал Эмиль.

Господин в котелке снова сложил газету, оглядел прохожих и вдруг, совершенно неожиданно, остановил проходящее мимо такси. Машина затормозила, вор сел, и они тронулись.

Но мальчишки уже сидели в другой машине, и Густав сказал шоферу:

— Видите вот то такси, что сворачивает на Пражскую площадь? Поезжайте, пожалуйста, за ним, но осторожно, чтобы в той машине не заметили.

Такси с мальчишками пересекло Райзералле и поехало на некотором расстоянии за первым такси.

— А что случилось? — поинтересовался шофёр.

— Тут один дядька парубил дром, и мы его должны держать на приколе, — объяснил Густав. — Но это тайна, ясно?

— Как молодым людям будет угодно, — ответил шофёр, а потом всё же спросил: — А деньги-то у вас есть?

— За кого вы нас принимаете! — с упрёком кинул Профессор.

— Ладно, ладно, — буркнул шофёр.

— Его номер «ИА тридцать семь тридцать три» — заметил Эмиль.

— Это очень важно, — сказал Профессор и записал цифру.

— Не надо подъезжать так близко, — предупредил Крумбигель.

— Хорошо, — пробормотал шофёр.

Они ехали теперь по Мбшттрассе. Несколько прохожих остановились на тротуаре и с улыбкой глядели вслед такси с такой странной компанией.

— Нагибайтесь, — скомандовал вдруг Густав: мальчишки тут же кинулись на пол машины, словно играли в кучу малу, и разобрались, где чья нога, а где чья рука, было уже невозможно.

— А в чём дело? — спросил Профессор.

— Да там впереди красный свет! Нам придётся остановиться, но и то такси не успеет проскочить.

И действительно, обе машины стояли гуськом друг за дружкой, ожидал, пока снова не загорится зелёный свет. Однако никто не видел, что во втором такси сидят пассажиры. Оно казалось свободным, так ловко ребята разместились на полу. Шофёр обернулся и не смог не рассмеяться. И только когда проехали светофор, ребята осторожно снова выползли на сиденье.

— Скорее бы он приехал, — сказал Профессор и посмотрел с неодобрением на счётчик. — Это удовольствие стоит уже восемьдесят пфеннигов.

Не успел он это сказать, как первое такси, уже выехавшее

на площадь Поллендорф, вдруг остановилось перед гостиницей «Крейд». Второе также успело вовремя затормозить и теперь выглядело, что же будет дальше.

Господин в отеле вышел, заплатил и исчез в дверях гостиницы.

— Густав, скорее за ним! — изволнованно крикнул Профессор. — Если в гостинице есть чёрный ход, он улизнёт от нас.

Густав тут же ринулся за ним следом. А потом на машины вышли и остальные ребята. Счётчик выбил марку. Эмиль заплатил, и тогда Профессор быстро повёл свою команду через ворота в большой двор, расположенный за кинотеатром. Первым делом он отправил Крумбигеля для связи с Густавом.

— Если наш тим решил поселиться здесь, в гостинице, нам здорово повезло, — сказал Эмиль. — Этот двор — идеальный штаб для сыщиков.

— Да, со всеми современными удобствами, — подтвердил Профессор. — Метро — напротив, удобные пассажирские — чтобы прятаться, телефонные будки — чтобы держать связь. Лучшего места не найти.

— Надеюсь, Густав не даст маху, — сказал Эмиль.

— На него можно положиться, — ответил Миттенцвей-старший, — он куда более ловкий, чем кажется.

— Что-то он долго не идёт. Скорее бы! — воскликнул Профессор и сел на стул, который некому-то стоял посреди двора. Он был похож на Наполеона во время битвы под Лейпцигом.

И вот тут появился наконец Густав.

— Птичка попалась, — заявил он, потирая руки. — Он остановился в гостинице. Я видел, как он сел в лифт, и мальчишка-лифтер повёз его наверх. Другого выхода и помещения нет — я там всё разнюхал. Если он не убежит по крыше, он попался в ловушку.

— Крумбигель караулит? — спросил Профессор.

— Ещё бы!

Миттенцвей-старшему выдали монетку, он побежал к автомату и позвонил Вторнику.

— Ах, это ты, Вторник?

— Да, Вторник слушает, — пробасил маленький Вторник в трубку.

— Пароль «Эмиль»! Говорит старший Миттенцвей. Господин в котелке поселился в гостинице «Крейд» на площади Ноллендорф. Наша штаб-квартира расположена во дворе кинотеатра, ворота слева.

Малыш Вторник всё тщательно записывал, потом прочёл свою запись вслух и спросил:

— Вам нужно подкрепление?

— Нет.

— Было трудно?

— Да нет, не особенно. Этот тип схватил такси, мы — другое и за ним, представляешь? А потом он здесь вышел. Взял помер и пока паходится там. Небось осматривает его — не спрятался ли кто под кроватью — и сам с собой играет в очко.

— В каком он номере?

— Пока ещё не знаем. Но наверняка скоро выясним.

— Как мне хочется быть с вами! Вот после каникул нам дадут сочинение на свободную тему, тогда я опишу эту историю.

— Кто-нибудь уже звонил?

— Нет, сдохнуть можно от скуки.

— Ну, будь, малыш.

— Желаю удачи, господа. Что я ещё хотел сказать?.. Пароль «Эмиль»!

— Пароль «Эмиль»! — ответил Миттенцвей и побежал назад во двор.

Было уже восемь вечера. Профессор пошёл в гостиницу проверить караульный пост.

— Сегодня мы его уж, видно, не поймаем, — с досадой сказал Густав.

— И всё же для нас самое лучшее, чтобы он поскорее лёг спать, — возразил Эмиль. — Потому что если он вздумает ещё кататься в такси, шататься по ресторанам, отправиться на танцы или в театр, а может, чего доброго, проделать всё это подряд, то где же нам взять деньги? Прикажете сделать заём у дружественной страны?

Профессор вернулся, послал братьев Миттенцвей на площадь как связанных и долго молчал, не участвуя в общем разговоре.

— Надо выдумать какой-то хитрый способ, чтобы за ним получше следить, — сказал он наконец. — Думайте все, думайте! Все долгое время сидели молча и думали.

Вдруг раздалось трепканье велосипедного звончка, и во двор вкатился маленький никелированный велосипед. Педали крутила девочка, а на багажнике примостился Блеуер.

— Ура! — завопили оба.

Эмиль вскочил, помог им слезть с велосипеда, восторженно потряс девочке руки и объяснил остальным:

— Это моя кузина Пони-Шапочка.

Профессор вежливо предложил Пони свой стул, и она села.

— Ну и силен же ты, Эмиль! — сказала она. — Приехал в Берлин, и всё у тебя завертелось, как в кино. Мы как раз собирались уже идти на вокзал Фридрихштрассе встречать следующий поезд из Нейштадта, но тут в дверь позвонил твой друг Блеуер и принёс записку. Славный парень, кстати. Поздравляю. Блеуер стоял, выпятив грудь, и был красный как рак.

— Ну, родители и бабушка никуда, конечно, не пошли, — рассказывала дальше Пони, — сидят себе дома и терпят в догадках, что с тобой случилось. Им мы, само собой, ничего не рассказали. Но я вышла вместе с Блеуером, сказала — провожу его до угла. И удрала сюда. Но мне тут же надо вернуться, не то они всю полицию поставят на ноги. Представляете, в тот же день исчезает и второй ребёнок — нет, этого их нервы не выдержат!

— Вот десять пфеннигов, которые вы мне дали на обратный путь, — гордо сказал Блеуер. — Мы их сэкономили.

Профессор спрятал деньги.

— Они злились? — спросил Эмиль.

— Нисколько, — заверила его Пони. — Бабушка бегала по комнате и столько раз повторяла: «Мой внук Эмиль просто решил сперва заглянуть по дороге к президенту Гинденбургу», что мои родители в конце концов успокоились. Но завтра, надеюсь, вы эту птичку поймаете? А кто у вас Шерлок Холмс?

— Вот он, — сказал Эмиль, — это Профессор.

— Очень приятно, господин Профессор, наконец-то я познакомилась с настоящим сыщиком, — сказала Пони.

Профессор смущённо улыбнулся и пробормотал что-то невнятное.

— Вот вам мои карманные деньги, — продолжала Пони, — пятьдесят пять пфеннигов. Купите себе две сигары.

Эмиль взял мелочь. Она сидела на стуле, как королева красоты, а мальчишки окружали её, как судьи на конкурсе.

— Теперь я смоюсь, — объявила Пони, — а завтра прикачу к вам с самого утра. Где вы будете спать? Как бы мне хотелось остаться здесь с вами! Я сварила бы вам кофе. Но что поделаешь! Девочке почему-то не полагается шататься по ночам. Вот так. До свиданья, господа! Спокойной ночи, Эмиль!

Пони похлопала Эмиля по плечу, вскочила на свой велосипед, звякнула и укатила.

Мальчишки долго стояли, не в силах вымолвить ни слова.

Первым обрёл дар речи Профессор.

— Колоссально! — выдал он с трудом.

Все остальные с ним согласились.

Глава одиннадцатая

В ГОСТИНИЦУ ПРОКРАДЫВАЕТСЯ ШПИОН

Время тянулось медленно.

Эмиль обшёл все три поста и хотел было сменить кого-нибудь, но и Крумбигель и оба брата Миттенцвей отказались. Тогда Эмиль отважился добраться, крадучись, до гостиницы и даже заглянуть в холл. Во двор он вернулся в сильном волнении.

— У меня такое чувство, что у нас всё провалится, — сказал он. — Точно провалится, если ночью у нас не будет в гостинице своего человека. Правда, Крумбигель стоит на посту. Но стоит ему на мгновение отвернуть голову, и Грундайс лю-ту.

— Легко тебе говорить! — крикнул Густав. — Не можем же мы подойти и портье и сказать: «Нам делать нечего, мы хотим

посидеть немного у вас на лестнице». А тебе туда и близко входить нельзя. Если этот негодяй вдруг почему-либо приоткроет дверь своего номера и увидит тебя, то всё зря, нам крышка.

— И предлагаю совсем не то, — сказал Эмиль.

— А что же? — спросил Профессор.

— В гостинице я видел мальчика. Он у них, видно, лифтер. А может, посыльный. Кто-нибудь из нас должен к нему пойти и рассказать, в чём дело. Ведь он наверняка знает в гостинице все ходы и выходы, он нам поможет.

— Что ж, хорошо, — сказал Профессор. — Очень хорошо.

У него была смелая привычка всё оценивать: он словно расставлял всем отметки. За это его и прозвали Профессор.

— Ай да Эмиль! Ещё одна такая штука придёт тебе в голову, и мы дадим тебе звание академика. Хитёр, будто в Берлине родился! — воскликнул Густав.

— Уж не воображаешь ли ты, что хитрые рождаются только в Берлине? — возмутился Эмиль. Он был явно уязвлён в своём нейштадтском патриотизме. — Нам вообще ещё надо подраться.

— Это ещё почему? — спросил Профессор.

— Он ужасно оскорбил мой выходной костюм.

— Ваш матч мы отложим на завтра, — решил Профессор. — А может, и вообще отменим.

— Знаешь, твой костюм не такой уж дурацкий, — примерительным тоном сказал Густав. — Я к нему привык. А подраться я всегда готов. Но учти: я здесьний чемпион. Так что берегись!

— Я у нас в школе тоже абсолютный чемпион. Почти, — заявил Эмиль.

— Петухи настоящие, — сказал Профессор. — Собственно, я сам хотел пойти в гостиницу, но вас и минуту нельзя оставить вдвоём: вы тут же кидаетесь друг на друга.

— Давай тогда я пойду, — предложил Густав.

— Хорошо, иди ты! — сказал Профессор. — Поговори с лифтером. Но будь осторожен! Может, тебе что-нибудь и удастся. Главное, постарайся выяснить, в каком номере живёт этот тип. Через час ты вернёшься и нам всё доложишь.

Густав убежал.

Профессор и Эмиль стояли у ворот и рассказывали друг другу о своих учителях. Потом Профессор объяснял Эмилю, как разбираться в иностранных машинах, которые проезжали мимо, и Эмиль быстро начал осваивать это дело. Потом они вместе съели бутерброд.

Тем временем стало темно. Повсюду загорелись световые рекламы. Громыкало метро, гудели машины, дребезжали трамваи, ревели автобусы, позвонивали велосипеды, — все эти звуки сливались в безумную мелодию ночного города. Из кафе доносилась танцевальная музыка. В кино начался последний сеанс, и люди теснились у входа.

— Такое большое дерево, как вош то, у метро, выглядит здесь страшно, — сказал Эмиль. — Кажется, оно заблудилось.

Мальчик был так захвачен видом ночного Берлина, что на минуту забыл, почему он здесь, забыл, что у него украли сто сорок марок.

— Мировой город! Кажется, что смотришь кино. Но не знаю, хотел бы я здесь жить всегда. В Нейштадте есть Верхний рынок и Нижний рынок, Вокзальная площадь, стадион у реки и площадка для игр в Азельском парке. Вот и все наши достопримечательности. Но знаешь, Профессор, мне этого хватает. Всегда этот праздничный шум по ночам... Тысячи улиц и площадей!.. Я заблудился был.. Представь себе, если бы нас не было и я стоял бы здесь совсем один. Прямо мороз по коже...

— Но всему привыкаешь, — сказал Профессор. — Я, например, не мог бы жить в Нейштадте, где всего три площади и Азельский парк.

— Но всему привыкаешь, — повторил Эмиль. — Но Берлин красив, спору нет. Здорово красив.

— А твоя мама очень строгая? — спросил берлинский мальчик.

— Моя мама? Строгая? — переспросил Эмиль. — Да что ты! Она мне всё разрешает. Но я не делаю ничего такого. Ясно?

— Нет, — честно признался Профессор, — мне это не ясно.

— Не ясно? Ну, так послушай. У нас много денег?

— Не знаю. Дома у нас о деньгах не говорят.

— Думаю, если дома не говорят о деньгах, значит, их столько, что не надо считать.

Профессор на минуту задумался, потом сказал:

— Возможно.

— Вот видишь. А мы с мамой часто говорим о деньгах. У нас их мало. Маме приходится всё время подрабатывать, и всё равно она не может свести концы с концами. Но когда мы идём всем классом на экскурсию, мама мне всегда даёт не меньше денег, чем даёт другим ребятам. А иногда даже больше.

— Как же она может?

— Не знаю, но она это делает. И я всегда приношу половину назад.

— Она хочет, чтобы ты приносил назад деньги?

— Глупости! Но я хочу.

— Понятно, — сказал Профессор. — Значит, вот как у вас обстоит дело.

— Да. Именно так. И даже когда она мне разрешает пойти с Претном за город — он живёт в нашем доме на первом этаже — и гулять до десяти часов вечера, я возвращаюсь к семье. Потому что не хочу, чтобы она одна ужинала на кухне. А мама даже настаивает, чтобы я гулял со всеми до поздней. И знаешь, я как-то попробовал остаться подольше. Но оказалось, что удовольствие мне уже не доставляет удовольствия. И я вижу, что она всё же рада, когда я рано прихожу домой.

— Нет, — сказал Профессор, — у нас всё совсем по-другому. Если я когда-нибудь приду домой вовремя, то наперёд могу держать пари, что мамы с мамой нет — она в гостях или в театре. Мы тоже надурно друг к другу относимся. Это точно. Но почти никогда не проводим время вместе.

— А для нас это единственное удовольствие, которое нам по карману! Но я лопса не мамин сын. А если кто так думает, то я живо докажу обратное своими кулаками. Полять это, кажется, не мудро.

— Я уже понял.

Мальчики постояли ещё немного молча у ворот. Ночь спу-

стилась на город. Мерцали звёзды. Мессин носил одним глазом над железнодорожным полотном.

Профессор откашлялся и спросил, погляди на товарища:

— Вы, наверно, очень друг друга любите?

— Очень, — ответил Эмиль.

Глава двенадцатая

МАЛЬЧИШКА-ЛИФТЁР В ЗЕЛЁНОЙ ЛИФТРЕ

Около десяти вечера во двор кинотеатра вступило подразделение резервного отряда, чтобы доставить провизии (бутербродов было столько, что ими можно было бы накормить голодающие народы) и получить новые распоряжения. Профессор был возмущён их появлением и заявил, что им здесь нечего делать: их задача — дежурить на Никольсбургской площади и ждать связанного Трауготта.

— Не будь таким вредным, — сказал Петцольд. — Мы просто умираем от любопытства: мы ведь не знаем, что здесь у вас происходит.

— Мы вообще думали, с вами случилась беда, потому что Трауготт к нам ни разу не прибегал, — добавил Герольд, взвизгивающим тоном.

— Сколько народу осталось на площади? — спросил Эмиль.

— Четверо или трое, — ответил Фридрих Первый.

— Возможно, только двое, — уточнил Герольд.

— Больше не рассиживай, — завопил в бешенстве Профессор, — а то ещё выяснится, что там вообще никого не осталось.

— Пожалуйста, не ори, — сказал Петцольд, — ты чего так раскомандовался?

— Я предлагаю немедленно прогнать Петцольда и запретить ему лаять с нами вором! — крикнул Профессор и топнул ногой.

— Мне жаль, что вы ссоритесь из-за меня, — сказал Эмиль.

— Давайте решим этот спор, как в рейхстаге, — голосовали. Я предлагаю сделать Петцольду предупреждение. Нельзя, чтобы каждый делал всё, что ему вздумается.

— Кончайте выдвигаться, гады! Я и так уйду, больно лужаво

мие с вами капитальность... — заявил Петцольд, потом добавил ещё какое-то неприличное слово и убежал.

— Это он нас подбил сбегать сюда, а то мы бы ни с места, — рассказывал Герольд. — А Церлетт остался дежурить там, на площади.

— Не говорится больше о Петцольде! Ни слова о нём! — приказал Профессор и тут же успокоился: он прекрасно владел собой. — С этим вопросом всё!

— А нам что делать? — спросил Фридрих Первый.

— Пожалуй, уж подождите, пока Густав вернётся из гостиных и доложит ситуацию, — предложил Эмиль.

— Хорошо, — согласился Профессор. — А кто это там идёт? Кажется, мальчишка-лифтёр.

— Да, он, — подтвердил Эмиль.

В воротах стоял мальчик в зелёной лифтре и точно таким же копн, падетом набскренъ. Он кивнул ребятам и медленно двинулся к ним.

— Какая миролецкая униформа, чёрт побери! — не без зависти воскликнул Герольд.

— Тебя к нам послал наш шимон Густав? — крикнул ему Профессор.

Лифтёр был уже совсем близко; он кивнул и сказал:

— Да.

— Ну так валяй говори, что там? — не выдержав, крикнул Эмиль.

И тут вдруг зазвучал клаксон! И зелёный лифтёр запрыгал как сумасшедший по двору и захохотал.

— Эмиль, старик, — завопил он, — ты идиот!

Потому что это был не лифтёр, а Густав собственной персоной.

— Эй ты, зеленявка, — в шутку подразнил его Эмиль.

И все захохотали так громко, что кто-то распахнул окно и закричал: «Не мешайте спать!»

— Здорово! — воскликнул Профессор. — Но прошу вас поминше, господа. Густав, сядь-ка и валяй дуй всё по порядку.

— Ребята, прямо кино! Со смеку умирьте. Послушайте толь-

ки! Я прокрался в гостиницу, увидел лифтера и подманял его пальцем. Он тут же подошёл ко мне. Ну, и я ему выложил всё, от начала до конца. Про Эмиля. И про вас. И про вора. И что он живёт у них в гостинице. И что нельзя терять его из виду, чтобы мы смогли завтра вернуть Эмилю эти деньги. «Что ж, отлично», — сказал мне лифтер. — У меня здесь есть ещё одна диверсия: ты её надевешь и будешь вторым лифтером». — «А что скажет па это портье: он ведь не может меня не заметить?» — спросил я. «Он ничего не скажет, он разрешит», — сказал мальчик, — потому что портье — мой отец». Что уж он там поговорил своему предку, не знаю. Но так или иначе, я получил вот эту диверсию, и мне разрешено провести ночь в дежурке, которая, на счастье, оказалась пустой, и мне даже можно прихватить с собой ещё кого-нибудь. Ну, что вы на всё это скажете?

— В каком номере живёт лор? — спросил Профессор.

— Тебя ничем не удивишь! — обвиненно проворчал Густав. — Работать мне, естественно, не надо. Велели только не путаться под ногами. Лифтер сказал мне, что лор живёт, кажется, в номере шестьдесят один, но уверен он не был. И тут же рыкнул на третий этаж. Крадусь, как шпион, — никто не заметит. Го из-за угла выгляну, то за перилами спрячусь. Наверно, с полчаса так сидел, вдруг дверь шестьдесят первого номера как раскроется! Как он выйдет! И точно. Наш вор! Ему надо было... ну, сами догадываетесь куда... И его там, и кафе, как следует разглядеть. Маленькие чёрные усы, ушки такие тонкие, насквозь просвечивают, и рожа кирпичика просит. Когда он вернулся... ну, сами знаете откуда... я к нему раз... «Вы чего-нибудь ищете?» — спрашиваю. — Может, вам чего-нибудь нужно?» — «Ничего мне не надо», — говорит. — Хотя постой! Скажи портье, чтобы меня разбудили завтра ровно в восемь. Номер шестьдесят один. Смотри не забудь!» — «Не забуду, будьте уверены», — говорю. — Ровно в восемь у нас звонит телефон». И наш вор спокойно потопал к себе в номер.

— Вот это да! — Профессор был просто в восторге. Ну, а остальные и подавно. — К восьми мы будем его торжественно встречать у дверей гостиницы. А потом поймать его будет легко.

— Можно считать, что он готов! — воскликнул Герольд.

— Торжественная встреча с цветами! — сказал Густав. — Мне пора идти. Я должен ещё опустить в ящик письмо для номера пропадцать. Я уже получил чаевые — пятьдесят пфеннигов. Доходная профессия. Лифтер иногда зарабатывает до десяти марок чаевыми. Он рассказал мне. Часом к семи я встану и поработаю с том, чтобы нашего легодья разбудили вовремя. А потом я снова здесь появлюсь.

— Дорогой Густав, как я тебе благодарен! — сказал Эмиль почти торжественно. — Теперь уже ничего не может случиться. Завтра мы его схватим. А сейчас все могут спокойно идти спать, верно, Профессор?

— Да, все отправляются домой, чтобы как следует выспаться. А завтра утром, ровно к посемь, мы все собираемся здесь. Хороню бы раздобыть ещё хоть немного денег. Кто сможет, пусть принесёт. И позволю сейчас Вторнику. Всех, кто ему завтра утром позволит, он направит в наш резерв. Может, придётся оценить весь квартал.

— Я пойду с Густавом ночевать в гостиницу, — сказал Эмиль.

— Пошли, тебе там здорово понравится. Мирवान конура!

— Я сейчас позволю, а потом тоже пойду домой, а дорогой отпущу Церлетта, — объяснил Профессор. — А не го он до утра просидит на Никельбургской площади, он такой. Всё ясно?

— Так точно, господами президент полиции, — пошутил Густав.

— Завтра утром встречаемся здесь во дворе ровно в восемь, — повторил Герольд.

— Принеси, если удастся, немного денег, — напомнил Фридрих Перальф.

Стали прощаться. Все пожали друг другу руки, как мужчины. Ребята разошлись по домам. Густав и Эмиль отправились в гостиницу. Профессор пересек Ноллендорфскую площадь, чтобы позвонить из кафе Вторнику.

Час спустя они все уже спали. Большинство в своих постелях. А двое в дежурке на четвёртом этаже гостиницы «Крейд».

А один из них — у телефона, в кресле отца. Это был малыш Вторник. Он не покинул своего поста. Трауготт отправился домой. А Вторник не решился отойти от аппарата. Он спал, прижавшись к подлокотнику, и ему приснились четыре миллиона телефонных разговоров.

В полночь его родители вернулись из театра. Они очень удивились, обнаружив, что сын их спит в кресле.

Мать взяла его на руки и отнесла в постель. Он вздрогнул и пробормотал во сне: «Пароль «Эмил»».

Глава тринадцатая ГОСПОДИНА ГРУНДАЙСА СОПРОВОЖДАЕТ ПОЧЁТНЫЙ ЭСКОРТ

Окна номера 61 выходили на Нослендорфскую площадь. И когда на следующее утро господин Грундайс, причесываясь перед зеркалом, случайно бросил взгляд в окно, он обратил внимание на то, что там играет очень много детей. Не меньше двух дюжин мальчишек гоняли мяч в сквере. На углу соседней улицы тоже столпились ребята, и большая группа детей ждалась без видимого дела у входа в метро.

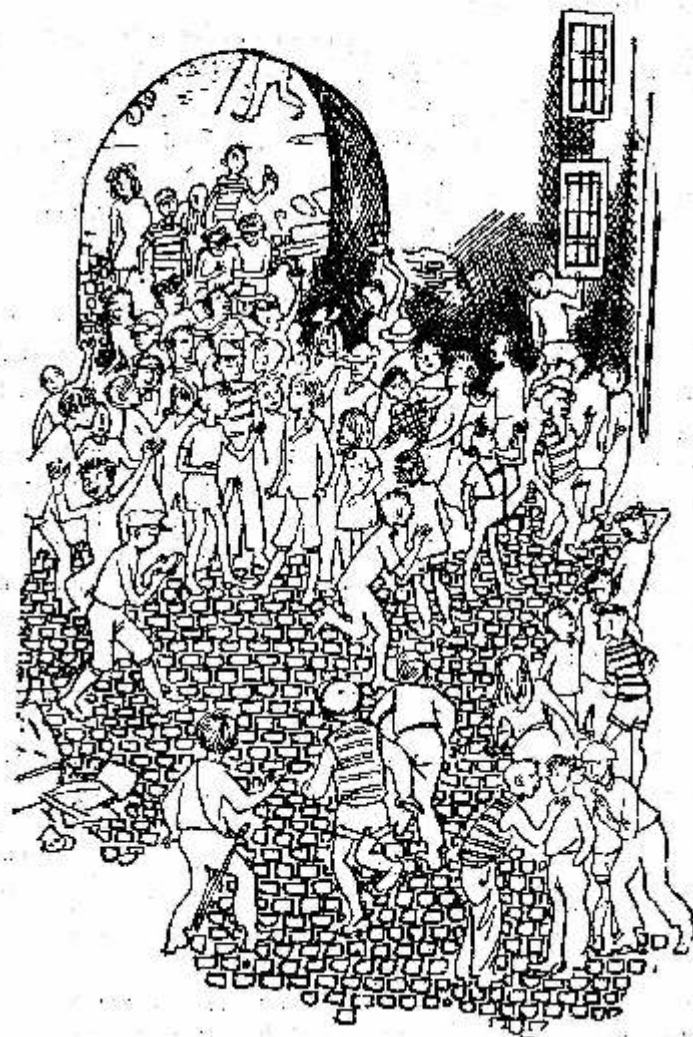
— Наверное, у них каникюлы, — с досадой пробурчал он и вынул галстук.

А тем временем Профессор проводил во дворе кинотеатра собрание руководителей; он разносил их в дух и прах.

— Мы день и ночь ломаем себе голову, как поймать этого гада! Как его не спугнуть! А вы, ослы, собираете здесь ребят со всего Берлина! Нам что, зрители нулины? Может, у нас съёмки? Если наш вор уйдёт от нас, то вы будете в этом виноваты, боитуньи несчастные!

Ребята стояли кружком и терпеливо выслушивали эту ругань, однако, судя по их виду, никак нельзя было сказать, что они страдают от утраченных совести.

— Не волнуйся, Профессор, — сказал наконец Герольд, которому, видно, всё же было неловко, — вора мы так и так поймем, это точно.

Казалось, что в этот день во дворе и на площади собрались ребята со всего Берлина.

— Мотайте отсюда, болваны! Распорядитесь хотя бы, чтобы ваши войска глаза не мозолили, а главное, не смотрели бы в сторону гостиницы. Исно? Валийте действуйте!

Ребята разошлись. Сыщики остались одни во дворе.

— Портье одолжил мне десять марок, — докладывал Эмиль. — Если наш тип снова вздумает кататься на такси, у нас хватит теперь денег схватить за ним следом.

— Вели всем ребятам просто разойтись по домам, — предложил Крумбигель.

— Ты что, всерьёз думаешь, что они меня послушаются? Даже землетрясение не заставило бы их сдвинуться с места, — сказал Профессор.

— Тогда остаётся только один выход, — решил Эмиль. — Нам придётся изменить наш план. Сыщикам теперь уже нет никакого смысла тайно выслеживать Грундайса. Придётся пойти на него в открытую. Чтобы он заметил, что окружён со всех сторон, что везде ребята.

— Я об этом тоже уже думал, — сказал Профессор. — Мы изменим тактику, загоним его в самую гущу, чтобы он сам в конце концов сдался.

— Вот здорово! — закричал Герольд.

Он, наверно, предпочтёт выложить деньги, чем часами ходить с эскортом из сотни орущих ребят, пока не сбегится весь город и его не задержит полиция, — объяснил Эмиль.

Ребята согласно кивали. Тут в воротах зазвенел велосипедный звончок, и Пони-Шалочка вкатила во двор.

— Привет, мальчишки! — крикнула она ещё на ходу, потом соскочила с седла, поздоровалась с кузеном Эмилем, с Профессором и с остальными и отцепила от багажника маленькую корзиночку. — Я привезла вам кофе и булочки! Даже чашку раздобыла. Ой, у неё отбилась ручка! Как не повезло!

Правда, все ребята уже завтракали. Даже Эмиль — в гостинице «Крейд». Но никому не хотелось портить девочке настроение. И все по очереди пили из чашки с отбитой ручкой кофе и уплетали булочки с таким аппетитом, словно у них месяц во рту маковой росинки не было.

— До чего вкусно! — воскликнул Крумбигель.

— Какая свежая булочка! — певуче пробурчал Профессор, потому что у него был полный рот.

— Так-то! Всё же без женщины в доме плохо! — радостно сказала Пони.

— Во дворе, — поправил Герольд.

— Что дома? — поинтересовался Эмиль.

— Спасибо, всё в порядке. Бабушка передаёт тебе особый привет. И велит поскорее прийти, а то в наказание тебя каждый день будут кормить рыбой.

— Фу, гадость! — закричал Эмиль и скривил гримасу.

— Почему гадость? — спросил Миттенцвей-младший. — Рыба — это очень вкусно.

Все с удивлением на него поглядели, потому что он всегда молчал. А он, красный как рак, спрятался за спину старшего брата.

— Эмиль не ест рыбы. А если проглотит хоть кусочек, ему тут же делается плохо, — объяснила Пони.

Они болтали о чём попало, и настроение у всех было превосходное. Профессор держал велосипед Пони. Крумбигель пошёл к колонне сполоснуть термос и чашку. Миттенцвей-старший аккуратно складывал бумагу из-под булочек. Эмиль снова прикрутил корзинку к багажнику. Герольд ощупывал шпцы — надо ли их подкачать. А Пони-Шалочка скакала по двору, то напевая про себя песенку, то болтая всякую всячину.

— Стоп! — крикнула она вдруг и застыла на месте. — Я совсем забыла спросить: почему собралось такое дикое количество детей на Ноллендорфской площади? Это похоже на школьную эскурсию.

— Всё это любопытные, которые прослышали, что мы ловим вора. Они тоже хотят в этом участвовать, — объяснил Профессор.

В это мгновение в ворота влетел Густав, загудел и заорал не своим голосом:

— Бегом, он вышел!

Все было кинулось за Густавом, но Профессор крикнул:

— Стойте! Слушайте внимательно! Мы его, как решили, окружим со всех сторон. Спереди — дети, сзади — дети, справа — дети, слева — дети! Ясно? Дальнейшие приказы в пути. Теперь помчались!

Спотыкаясь и толкая друг друга, они выбежали за ворота. Пони-Шапочка, несколько обиженная, осталась одна во дворе. Она вскочила на свой маленький никелированный велосипед и пробормотала, как бабушка:

— Мне это что-то не по душе, мне это что-то не по душе.

А потом поехала за мальчишками.

Господин в котелке выходил как раз из дверей гостиницы; он медленно спустился по ступенькам и повернул направо, к Клейнштрассе. Профессор, Эмиль и Густав разослали посланцев во все концы площади, и три минуты спустя господин Грундайс оказался окружён со всех сторон.

Он оглянулся, ничего не понимая. Ребята разговаривали друг с другом, смеялись, пихали и тузили друг друга, но при этом все шли с ним в ногу. Некоторые рассматривали его с таким явным любопытством, что он терялся и отводил взгляд.

— Эй!

Мимо его головы пролетел мяч. Он вздрогнул и ускорил шаг. Но ребята не отставали — они тоже прибавили ходу. Он хотел было быстренько свернуть в боковую улочку, но и оттуда ему навстречу выбежала масса детей.

— Гляди, у него такой вид, будто он сейчас чихнёт! — крикнул Густав.

— Прикрывай меня, — сказал ему Эмиль, — он ещё не должен меня видеть. Этот сюрприз его ждёт впереди.

Густав расправил плечи и пошёл впереди Эмиля, как боксёр-тяжеловес. Пони-Шапочка ехала рядом с ними вдоль тротуара и от радости всё время трезвонила.

Господин в котелке стал заметно нервничать. Он, видимо, смутно догадывался, что его ожидает, и всё убистрял и убистрял шаг. Но тщетно. Уйти от врагов ему не удавалось.

Вдруг он остановился как вкопанный, а потом резко повернул и побежал назад, вниз по улице, по которой только что

Ребята окружили господина в котелке со всех сторон.

подымался. Дети тоже разом повернули, и всё шествие двинулось в обратном направлении.

Один мальчишка — это был Крумбигель — так неожиданно перебежал ему дорогу, что господин споткнулся и чуть не упал.

— Как ты смеешь, негодяй, — заорал вор, — я сейчас позову полицейского!

— Просту вас, позовите, да поскорей: мы только этого и ждём. Ну, чего же вы не зовёте?

Но господин Грундайс и не думал звать полицейского. Наоборот, ему явно становилось всё больше не по себе. Он не на шутку испугался и не знал, куда ему податься. Из всех окон уже высовывались любопытные. Продвицины и покупатели выбегали из магазинов, чтобы узнать, что происходит. Появился теперь полицейский, всё было бы в порядке.

И тут вор нашёл блестящий выход. Он увидел отделение Коммерческого банка, прорываясь сквозь цепь детей, распахнул дверь и исчез.

Профессор рванулся следом, но у двери остановился и крикнул:

— Мы с Густавом пойдём за ним, а Эмиль пусть пока остаётся здесь: ему ещё рано объявляться. Когда Густав подаст знак клаксоном, Эмиль с десятью мальчишками прибегут к нам на помощь. Отбери пока свою команду, Эмиль. Операция будет не из лёгких.

И Профессор с Густавом захлопнули за собой тяжёлую банковскую дверь.

У Эмиля так колоталось сердце, что даже в ушах гудело. Сейчас всё решится! Он вызвал из толпы Крумбигеля, Герольда, братьев Миттенцаей и ещё нескольких мальчишек, а остальным приказал разойтись.

Ребята отошли от банка на несколько шагов, но не дальше. Ни при каких обстоятельствах они не могли пропустить фишала этой истории.

Пони-Шашочка дала какому-то мальчишке поддержать свой велосипед и подошла к Эмилю.

— Я здесь, — сказала она. — Смогри держись. Сейчас начнётся главное. Ой, я, кажется, лопну от нетерпения! Лопну, как воздушный шарик.

— А я, думаешь, нет? — спросил Эмиль.

Глава четырнадцатая

БУДАВКИ ТОЖЕ ПРИНОСЯТ КОЛЬЗУ

Когда Густав и Профессор вошли в банк, господин в котелке стоял у окошечка, над которым было написано: «Приём и выдача вкладов», и с нетерпением ждал, чтобы им завялился. Кассир говорил по телефону.

Профессор стал рядом с пором и, как ищейка, следил за каждым его движением; Густав стоял за пором, а в руке, засунутой в карман, держал наготове клаксон.

Кассир, закончив разговор, подошёл к окошечку и спросил Профессора, что ему угодно.

— Займитесь, пожалуйста, сперва этим господином, — сказал Профессор. — Я за ним.

— Что вам угодно? — повторил свой вопрос кассир, обратившись на этот раз к господину Грундайсу.

— Я попрошу вас разменять ассигнацию в сто марок на две по пятьдесят и дать мне серебра на сорок марок, — сказал вор, вынув из кармана и протягивая кассиру одну кунюру в сто марок и две по двадцать.

Кассир взял все три протянутые ему кунюры и подошёл с ними к песторасному шкафу.

— Минутку! — громко крикнул Профессор. — Эти деньги краденые!

— Что-о-о! — испуганно переспросил кассир и повернулся к окошечку.

Другие кассиры и служащие, сидевшие в соседних окошечках и что-то подсчитывавшие, бросили работу и повскакали со своих мест, словно их укусила змея.

— Деньги, которые у вас в руках, не принадлежат этому господину. Он украл их у моего друга, а сейчас хочет раз-

менять, чтобы мы ничего не смогли доказать, — объяснил Профессор.

— Что за неслыханная дерзость! В жизни такого не видел! — возмутился господин Грундайс. — Извините меня, пожалуйста, — обернулся он к кассиру и влёпил Профессору звонкую пощёчину.

— От этого ты не перестанешь быть вором, — сказал Профессор и так двинул Грундайса головой в живот, что тот чуть не упал.

И вот тут Густав трижды ужасно громко загудел. Теперь уже все банковские служащие подскочили с мест и сгрудились у окошечек, а управляющий пулей вылетел из своего кабинета.

И тут, в довершение всего, в зал вбежали десять мальчишек с Эмилем во главе и окружили кольцом господина в котелке.

— Что случилось, чёрт побери? Эти мальчишки как с цепи сорвались! — закричал управляющий.

— Эти хулиганы утверждают, будто я украд у одного из них те деньги, которые хотел только что разменять у нашего кассира, — объяснил господин Грундайс, дрожа от злости.

— Да, так оно и есть! — крикнул Эмиль и подскочил к окошечку. — Он украд у меня одну стомарковую ассигнацию и две по двадцать марок. Это случилось вчера, после обеда. В поезде, который ехал из Нейштадта в Берлин! Пока я спал.

— А ты можешь это доказать? — строго спросил кассир.

— Я в Берлине уже целую неделю, а вчера весь день, с утра до вечера, провёл в городе, — заявил вор и вежливо улыбнулся.

— Как вам не стыдно так лгать! — завопил Эмиль, чуть не плача от бешенства.

— А как ты докажешь, что этот господин тот самый, который ехал с тобой в поезде? — спросил управляющий.

— Да никак, конечно, — презрительно буркнул вор.

— Раз ты был с ним вдвоём в купе, значит, у тебя нет свидетелей, — объяснил один из служащих.

У друзей Эмиля сразу вытянулись лица.

— Есть, — закричал Эмиль, — у меня есть свидетель! Это фрау Якоб из Гресс-Грюнау. Она сидела вместе с нами в купе.

А женой сошла. И ещё велела мне передать от неё сердечный привет господину Курцхальцу у нас, в Нейштадте.

— Похоже, что вам без алиби не обойтись, — сказал управляющий вору. — А у вас есть алиби?

— Само собой разумеется, — заявил вор. — Я живу здесь не подалёку, в гостинице «Крейц».

— Со вчерашнего вечера, — уточнил Густав. — Я всю ночь проторчал в гостинице, переодетый в посыльного, так что бросьте заливать.

Служащие улыбнулись; их интерес к мальчишкам заметно возрос.

— Пожалуй, нам придётся до выяснения оставить эти деньги здесь, господин... — сказал управляющий и вырвал из блокнота листок бумаги, чтобы записать имя и адрес вора.

— Его фамилия Грундайс, — сказал Эмиль.

Господин в котелке громко расхохотался.

— Вот видите, — сказал он, — здесь явно какое-то недоразумение. Мои фамилии Мюллер.

— Ой, как он подло врёт! В поезде он сказал, что его фамилия Грундайс! — в бешенстве закричал Эмиль.

— У вас есть документы? — спросил кассир.

— К сожалению, я их не захватил с собой, — ответил вор. — Но если вы подождёте, я тут же сбегаю за ними в гостиницу.

— Он врёт, врёт! Это мои деньги, и он должен мне их вернуть! — кричал Эмиль.

— Допустим, что ты и прав, мой мальчик, но так просто такие вещи не решаются, — объяснил кассир. — Как ты докажешь, что это твои деньги? Может быть, ты помнишь номера?

— Конечно, нет, — сказал Эмиль. — Разве придёт в голову, что тебя могут обокрасть? Мне их дала мама для бабушки, которая живёт здесь, в Берлине, Шуманштрассе, дом пятнадцать.

— Может, на одной из бумажек был оторван уголок или ты запомнил ещё какую-нибудь другую примету?

— Нет, я ничего такого не заметил.

— Господа, даю вам честное слово, это мои деньги. Не стану же я грабить детей! — воскликнул вор.

— Стой! — вдруг завопил Эмиль и даже подпрыгнул, так ему сразу стало легко. — Стой! В поезде я булавкой приколот конверт с деньгами к подкладке кармана. Значит, все три булавки должны быть проколоты!

Кассир поднял ассигнации против света. Все затаяли дыхание. Вор отступил на шаг. Управляющий нервно барабанил пальцами по столу.

— Мальчик прав! — воскликнул кассир, поблдев от волнения. — Ассигнации в самом деле проколоты!

— А вот и булавка, которой это сделано, — сказал Эмиль и гордо положил булавку на стол. — Я даже палец себе уколол.

Тут вор вдруг с быстротой молнии сорвался с места, растолкал детей, да так энергично, что они повалились на пол, промчался через зал, рванул дверь и был таков.

— Догнать его! — крикнул управляющий.

Все кинулись к дверям.

Но когда служащие выскочили на улицу, вора уже окружили не меньше двадцати мальчишек. Они держали его за ноги, повисли на нём, вцепились в его пиджак. Он размахивал руками как сумасшедший, пытаясь вырваться. Но мальчишки не выпускали его.

А по улице к ним уже бежал постовой, за которым Пони сгоняла на своём велосипеде. И управляющий потребовал, чтобы полицейский задержал этого человека, который называет себя то Грундайсом, то Мюллером. Потому что он, по всей вероятности, железнодорожный вор.

Кассир сходил за проколотыми деньгами и булавкой и отправился вместе с ними. Это было удивительное шествие! Впереди шагали постовой и кассир, между ними — вор, а сзади — человек сто детей, не меньше! Так и шли они всю дорогу до полицейского участка.

А Пони-Шапочка ехала рядом на своём маленьком никелированном велосипеде. Вдруг она кивнула счастливому Эмилю и крикнула:

— Эмиль, послушай! Я сейчас мотану домой и расскажу про весь этот цирк!

Эмиль кивнул в ответ и тоже крикнул:

— Передай всем привет. Скажи, что я буду к обеду!

— Знаешь, па, что всё это похоже? — снова крикнула Пони. — На школьную экскурсию. В зоопарк.

Она завернула за угол и, трезвоня, исчезла.

Глава пятнадцатая

ЭМИЛЬ ВЫЗЫВАЮТ В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИЦИИ

Шествие остановилось у ближайшего полицейского участка. Постовой тут же доложил дежурному о случившемся. Эмиль дополнил рассказ несколькими подробностями. Потом у него спросили, где и когда он родился, как его имя и фамилия и где он проживает. И всё это дежурный записал чернилами в толстую книгу.

— А вас как зовут? — спросил он вора.

— Герберт Кислинг, — ответил тот.

Тут трое мальчишек — Эмиль, Густав и Профессор — громко расхохотались. И кассир, который передал дежурному сто марок и булавку, тоже не смог удержаться от смеха.

— Во даёт! — воскликнул Густав. — Сперва его звали Грундайс. Потом Мюллер. А теперь, оказывается, Кислинг! Интересно бы узнать, как его зовут на самом деле!

— Потихонечко, — пробурчал дежурный. — Мы его выведем на чистую воду.

Господин Грундайс — Мюллер — Кислинг назвал тем временем свой нынешний адрес — гостиницу «Крейд». Потом — год и место рождения. Документов у него не было.

— А где вы проживали до вчерашнего дня? — спросил дежурный.

— В Гросс-Грюнау, — ответил вор.

— Наверно, опять погибает! — крикнул Профессор.

— Потихонечко! — снова пробурчал дежурный. — Это мы тоже выясним.

Кассир спросил, можно ли ему идти. Прежде чем его отпу-

стать, дежурный также записал и все его данные. Кассир дружески похлопал Эмиля по плечу и удалился.

— Кислинг, украли ли вы вчера вечером в поезде, идущем от Нейштадта в Берлин, сто сорок марок у ученика реального училища Эмиля Тышбайна? — спросил дежурный.

— Так точно, — мрачно подтвердил вор. — Не знаю, право, как это со мной случилось. На меня что-то напало. Мальчишка примостился в уголке и заснул. И вдруг из его кармана выпал конверт. Я поднял его и хотел просто посмотреть, что в нём. А так как у меня как раз совсем не было денег...

— Он всё врёт! — не вытерпел Эмиль. — Я ведь приколот деньги к подкладке. Конверт не мог выпасть.

— Точно, врёт, — подтвердил Профессор. — Если бы деньги ему были позарез нужны, он бы давным-давно их разменял. Ведь он на наших глазах платил за такси, и ел в кафе яичницу, и пил пиво.

— Потихонечко! — пробурчал дежурный. — Не волнуйтесь, мы и это выясним.

И он записал всё, что ему рассказывали.

— А вы не могли бы меня пока отпустить, господин дежурный? — спросил вор и расплылся в такой вежливой улыбке, что даже глаза зажмурился. — Я ведь не отрицаю, что украд эти деньги. Где я остановился, вы тоже знаете. У меня в Берлине кое-какие дела, и мне хотелось бы ими заняться.

— Ну и шутник же вы! — воскликнул дежурный и позвонил в Управление полиции, чтобы прислали машину, так как задержан железнодорожный вор.

— А когда мне вернут мои деньги? — озабоченно спросил Эмиль.

— Ты их получишь в Управлении полиции, — ответил дежурный. — Сейчас вас туда отвезут. И там во всём разберутся.

— Эмиль, — прошептал Густав, — тебя повезут на машине с мигалкой на Александерплац.

— Чуть! — буркнул дежурный. — Тышбайн, у тебя есть деньги на метро?

— Да, ребята вчера собрали, — сказал Эмиль. — А портфель гостиницы «Крейд» дал мне взаймы десять марок.

— Настоящие сыщики, ничего не скажешь! Ну и ребята, чёрт побери! — пробурчал дежурный, но вполне добродушно. — Значит, так, Тышбайн; ты доведи на метро до Александерплаца, а там, в Управлении, найдёшь следователя Лурье. Что будет дальше, сам увидишь. А деньги тебе вернут.

— Можно мне сперва отдать портфель его десять марок? — спросил Эмиль.

— Конечно.

Вскоре приехала полицейская машина, и господину Грундайсу — Мюллеру — Кислингу пришлось в неё сесть. Дежурный вручил сопровождающему полицейскому протокол, который он написал, и сто сорок марок. Булавку он ему тоже передал. И машина уехала. Дети, всё ещё толпившиеся перед участком, проводили её громкими криками. Но вор даже не оглянулся. Видно, он очень гордился тем, что едет в машине.

Дежурный пожал Эмилю руку, и Эмиль поблагодарил его. Потом Профессор объявил ребятам у подъезда, что деньги Эмиль получит в Управлении полиции и что операция закончена. И ребята группами разошлись по домам. Только те, с кем Эмиль за эти сутки подружился, проводили его сперва до гостиницы, а потом до станции метро Ноллендорф. Он попросил их позвонить Вторнику, чтобы диспетчер тоже был в курсе всего. А потом он сказал, что прежде чем вернётся в Нейштадт, надеется с ними со всеми ещё встретиться. Но всё же он сейчас хочет поблагодарить их за помощь. И деньги он им тоже отдаст.

— Если ты вздумашь отдавать нам деньги, я тебя просто избью! — закричал Густав. — И вообще нам ещё надо подраться. Помнишь, из-за твоего дурацкого костюма?

— Да ладно, — сказал Эмиль и взял Густава и Профессора за руки, — у меня сейчас такое хорошее настроение, что драться неохота. Я не переживу, если положу тебя на обе лопатки.

— Это тебе всё равно не удалось бы, даже если бы у тебя было плохое настроение, болван! — крикнул Густав.

Потом они втрём поехали на Александерплац, в Управле-

вне полиции: там они долго блуждали по коридорам, прошли мимо множества дверей, пока, наконец, не попали к следователю Лурье. Он как раз завтракал. Эмиль назвал себя.

— Явился! — воскликнул господин Лурье, не прекращая жевать. — Эмиль Штубльбайн, Юный сынчик-любитель. Мне уже докладывали о тебе по телефону. Комиссар ждёт тебя. Хочет сам с тобой побеседовать. Пошли.

— Моя фамилия Тышбайн, — поправил его Эмиль.

— Какая разница! — сказал господин Лурье и снова принялся за бутерброд с колбасой.

— Мы тебе здесь подождём, — сказал Профессор.

А Густав крикнул Эмилю впопыху:

— Не задерживайся! Когда при мне едят, я тут же начинаю умирать с голоду.

Господин Лурье повёл Эмиля по коридорам; сперва они свернули налево, потом направо, потом снова налево. Наконец он постучал в какую-то дверь. До них дошёл голос:

— Войдите!

Лурье приоткрыл дверь и, всё ещё продолжая жевать, сказал:

— Я привёл своего юного коллегу, господин комиссар. Эмиль Файшбайн, вы о нём уже слышали.

— Моя фамилия Тышбайн, — поправил его Эмиль.

— Что ж, тоже красиво, — сказал господин Лурье и так толкнул Эмиля, что тот, как мячик, влетел в комнату.

Комиссар оказался милым человеком. Он усадил Эмиля в удобное кресло и велел ему снова рассказать всю историю с начала до конца. Затем комиссар сказал торжественно:

— Ну, а теперь ты получишь свои деньги.

— Ура!

Эмиль облегчённо вздохнул и спрятал деньги в карман. Очень тщательно.

— смотри, чтобы их снова у тебя не украли.

— Нет уж, этого не будет! Я сейчас же отнесу их бабушке.

— Ах да, чуть не забыл. Дай мне твой берлинский адрес. Ты пробудешь здесь ещё несколько дней?

— Надеюсь, — сказал Эмиль. — Я живу на Шумахштрассе, дом пятнадцать. У Хеймбольдов. Это фамилия моего дяди. Ну, и тёти, конечно.

— Вы, мальчишки, молодцы, — сказал комиссар и закурил толстую сигару.

— Верно, ребята действовали толково, — восторженно подхватил Эмиль. — И Густав со своим плахином, и Профессор, и мальчи Вторник, и Крумбигель, и братья Миттенцвай — словом, все. Знаете, как с нами было здорово, особенно с Профессором. Сила!

— Ты тоже кое-что отбыл, — заметил комиссар и задымил сигарой.

— Да, я ещё хотел вас спросить, господин комиссар: что теперь будет с Грундайсом или как его там зовут? В общем, с вером?

— Им сейчас занимаются. Надо опознать его личность. Его фотографируют, снимают отпечатки пальцев. А потом всё это будут сверять с данными нашей картотеки.

— А это что такое?

— Всех преступников, которых нам удастся поймать, мы фотографируем, берём у них отпечатки пальцев. У нас даже есть данные на тех, кого мы ещё не задержали, а только ищем. Ведь вполне вероятно, что твой вор, прежде чем тебя обокрал, совершил и другие кражи, верно?

— Верно. А мне это даже в голову не пришло...

— Минутку, — оборвал комиссар Эмиля, потому что на столе зазвонил телефон. — Да, да... интересный для вас случай... Зайдите-ка все ко мне... — сказал он в трубку, потом положил её и добавил, обращаясь к Эмилю. — Сюда сейчас придут несколько репортёров: они будут брать у тебя интервью.

— А что это такое? — спросил Эмиль.

— Брать интервью — это значит задавать вопросы.

— Ну да! — воскликнул Эмиль. — Обо мне напишут в газете?

— Наверно, — сказал комиссар. — Когда ученику реального училища удаётся задержать вора, он становится знаменитым.

В дверь постучали, и в кабинет вошли четыре репортёра. Комиссар пожал им руки и кратко рассказал о приключениях Эмиля. А все четверо усердно записывали то, что говорил комиссар.

— Просто великолепно! — сказал один из репортёров. Мальчик из провинции выступает как сыщик!

— Может, возьмёте его себе на службу? — посоветовал другой и засмеялся.

— А почему ты не подошёл сразу к полицейскому и не рассказал ему всё? — спросил третий.

Эмиль вдруг испугался. Он вспомнил сержанта Йепко из Нейштадта и свой сон. Неужели он теперь сам попался?

— Ну, ну, — подбодрил его комиссар.

Эмиль пожал плечами и сказал:

— Эх, пусть будет что будет! Я не подошёл к полицейскому потому, что в Нейштадте я расписал памятник великому герцогу Карлу — сделал ему красный нос и чёрные усы. Можете меня арестовать, господин комиссар!

Но, судя по лицам присутствующих, никто из них не был возмущён, напротив, все дружно рассмеялись. А комиссар сказал:

— Ну что ты, Эмиль! Разве мы можем посадить в тюрьму нашего лучшего сыщика!

— Правда? Ой, как я рад! — с облегчением воскликнул Эмиль. А потом он подошёл поближе к одному из репортёров и спросил его: — Разве вы меня не узнали?

— Нет, — ответил тот.

— Ведь это вы купили мне вчера в трамвае билет, когда кондуктор хотел меня высадить.

— Было дело! — воскликнул репортёр. — Теперь я тебя вспомнил. Ты ещё спрашивал мой адрес, чтобы вернуть мне мелочь за билет.

— Можно, я вам сейчас отдам? — спросил Эмиль и вынул из кармана десять лфевнигов.

— Да что ты, и не думай! — сказал репортёр. — А ты ведь мне даже тогда представился.

— Конечно, — объяснил мальчик, — человек должен знать, с кем он говорит. Но вы наверно забыли: меня зовут Эмиль Тыпбайн.

— А меня — Кестнер, — сказал репортёр, и они пожали друг другу руки.

— Великолепно! — воскликнул комиссар. — Оказывается, вы старые знакомые.

— Послушай, Эмиль, — сказал господин Кестнер, — не пойдёшь ли ты со мной в редакцию? А до этого мы где-нибудь съедим по пирожному со взбитыми сливками.

— Вы разрешите мне вас пригласить? — спросил Эмиль.

— Ну и парень!

Все снова рассмеялись, и вид у всех был очень довольный.

— Нет уж, платить буду я, — твёрдо сказал господин Кестнер.

— Что ж, спасибо, я с радостью приму ваше приглашение, но меня ждут в коридоре Профессор и Густав.

— Ну, мы их, само собой, тоже прихватим, — сказал господин Кестнер.

У других репортёров были ещё вопросы. Эмиль охотно на всё отвечал. Репортёры записывали.

— Вор этот — новичок? — спросил один из них.

— Не думаю, — ответил комиссар. — Может, нас ещё ждёт какой-нибудь сюрприз. Во всяком случае, позвоните мне, пожалуйста, через полчаса.

Потом все встали и распрощались. А Эмиль пошёл вместе с господином Кестнером к следователю Лурье. Тот жевал теперь бутерброд с сыром.

— А, вот и сам Цвэрбайн! — воскликнул он, увидев Эмиля.

— Тыпбайн, — невозмутимо поправил Эмиль.

Потом господин Кестнер усадил Эмиля, Густава и Профессора в машину и повёз их прежде всего в кондитерскую. Дорогой Густав вдруг как гуднёт своим клаксоном. Ребята рассмеялись, увидев, что господин Кестнер испугался. В кондитерской они все очень веселились. Уплетали вишнёвый пирог со взбитыми сливками и болтали о чём попало: о военном совете, который они

держали на площади Никельсбург, о том, как они игрались за такси, о ночи в гостинице, о Густаве в роли посыльного, о скандале в банке. И господин Кестнер сказал в конце разговора:

— Вы все трое действительно отличные ребята!

Они очень возгордились от этой похвалы и даже съели ещё по кусочку вишневого пирога.

Потом Густав и Профессор побежали на автобус, а Эмиль, пообещав позвонить после обеда Вторнику, поехал вместе с господином Кестнером в редакцию.

Здание, где делают газету, оказалось огромным. Почти таким же, как Управление полиции на Александерплац. А в коридорах был такой шум и суетолока, словно там проводили состязания по бегу с препятствиями.

Они вошли в комнату, в которой за столом работала красивая белокурая девушка. И господин Кестнер принялся ходить взад-вперёд по комнате и диктовать этой девушке всё то, что ему рассказал Эмиль, а она быстро-быстро стучала на машинке. Иногда он останавливался и спрашивал Эмиля:

— Всё верно?

И диктовал дальше только после того, как Эмиль кивал головой.

Потом господин Кестнер снова позвонил комиссару полиции.

— Что вы говорите? — изумился он. — Просто невероятно!.. Ему пока не рассказывать?.. Ну да?.. И это тоже он?.. Я так рад!.. Огромное вам спасибо... Вот будет сенсация!..

Господин Кестнер повесил трубку, взглянул на мальчика так, словно видел его впервые, и сказал:

— Эмиль, пошли скорее наверх. Там надо тебя сфотографировать.

— Да что вы! — с удивлением пробормотал Эмиль, но покорно пошёл за господином Кестнером, поднялся с ним ещё на три этажа и очутился в светлой комнате.

Там он причёсали, и его сфотографировали.

Потом господин Кестнер повёл Эмиля в типографию — ну и грохот же там стоял: казалось, что стучат сразу на тысяче пишущих машинок! — отдал какому-то дяденьке странички, ко-

торые напечатала красивая белокурая девушка, и сказал, что он тут же вернётся, потому что это очень срочный материал, ему надо только прежде отправить мальчика к бабушке.

Потом они на лифте спустились на первый этаж и вышли на улицу. Господин Кестнер остановил такси, усадил в него Эмиля, дал шофёру деньги, хотя мальчик и запротестовал, и сказал:

— Отвезите, пожалуйста, моего юного друга на Шуматштрассе, дом пятнадцать.

Они крепко пожали друг другу руки, и господин Кестнер сказал на прощание:

— Когда приедешь домой, передай от меня привет твоей маме. Она, видно, очень милая женщина.

— Ещё бы! — воскликнул Эмиль.

— Да, и последнее! — крикнул вдогонку господин Кестнер, когда машина уже тронулась. — Обязательно прочти сегодняшней вечерний выпуск нашей газеты. Ты будешь удивлён!

Эмиль обернулся, чтобы помахать господину Кестнеру. И господин Кестнер ему тоже помахан.

Потом машина скрылась за углом.

Глава шестнадцатая

КОМИССАР ПОЛИЦИИ ПЕРЕДАЁТ ПРИВЕТ

Такси ехало уже по Унтер-ден-Линден, когда Эмиль сказал вдруг шофёру:

— Мы, наверно, скоро приедем?

— Так точно.

— Извините, пожалуйста, но я забыл, мне вначале надо попасть на Кайзераллес, в кафе «Жостис». Там я оставил букет цветов для тёти и свой чемодан. Не будете ли вы так любезны заехать сперва туда?

— Что значит «любезно»? У тебя есть деньги на случай, если не хватит тех, которые я уже получил?

— Да, деньги у меня есть. А я не могу прийти к тёте без цветов.

— Ну что ж, ладно, — сказал шофёр и свернул налево.

Они проехали через Бранденбургские ворота, потом мимо зелёного тенистого Тиргартена и Ноллендорфской площади. Теперь, когда всё хорошо кончилось, Берлин казался Эмилю куда приветливей и уютней. Но всё же он на всякий случай оцупал свой верхний карман. Деньги были на месте.

Получив свои вещи в целости и сохранности, Эмиль поблагодарил девушку за стойкой, снова сел в такси и сказал шофёру:

— Ну, а теперь к бабушке!

Они развернулись, проделали весь этот длинный путь в обратном направлении, пересекли реку Шпрее и покатались по узким старым улочкам с серыми домами. Эмилю хотелось глядеть в окно, но, как назло, ему всё время что-то мешало: то он возился с чемоданом, который без конца падал с сиденья, то воевал с петром, который вырывал у него букет из рук.

Шофёр затормозил. Машина остановилась у дома пятнадцать на Шуманштрассе.

— Ну вот мы как будто и приехали, — сказал Эмиль и вылез из такси. — Сколько я вам должен добавить?

— Нисколько, наоборот, я тебе ещё верну тридцать пфеннигов.

— Что вы! — воскликнул Эмиль. — Купите себе на них несколько сигар.

— Спасибо, мальчи, я не курю, а жую табак, — сказал шофёр и поехал дальше.

Эмиль поднялся на третий этаж и позвонил в дверь, на которой была табличка «Хеймбольд». До него донеслись громкие возгласы, потом дверь распахнулась, и он увидел бабушку. Она схватила Эмиля за шиворот, поцеловала его в левую щёку и одновременно шлёпнула по правой, потом втащила за волосы в квартиру и закричала:

— Ах ты, негодник, ах ты, негодник!

— Хорошенькие вещи узнаешь о тебе, — сказала тётя Марта дружелюбно и подала ему руку.

А Пони-Шапочка — на ней был мамин передник — сунула ему локоть, пропичивая:

— Осторожно! У меня руки мокрые. Мою посуду. Бедные мы, жевщины!

Потом они все прошли в комнату. Эмиля усадили на кушетку, и бабушка с тётей Мартой стали его так рассматривать, словно он очень ценная картина Тициана.

— Деньги принёс? — спросила Пони.

— А ты думала! — воскликнул Эмиль, вынул из кармана три бумажки, протянул сто двадцать марок бабушке и сказал: — Вот, бабушка, возьми. И мама передаёт сердечный привет. И просит тебя не сердиться, что ничего не послала в прошлый месяц. Но было мало работы. Зато в этот раз она посылает больше обычного.

— Спасибо, мой милый мальчик, — ответила бабушка, протянула ему назад ассигнацию в двадцать марок и сказала: — Это тебе. За то, что ты такой отличный сыщик.

— Нет, я не возьму этих денег. У меня ведь есть двадцать марок, которые мне дала мама.

— Эмиль, бабушку надо слушаться. Спрячь скорее деньги!

— Нет, я их не возьму.

— Ну и болван! — воскликнула Пони-Шапочка. — Я не ставила бы себя просить!

— Нет, бабушка, мне не хочется.

— Возьми, говорят, не то у меня от бешенства разыграется ревматизм, — пригрозила бабушка.

— Ну, скорее убери эти деньги, — сказала тётя Марта и сама сунула ему бумажку в карман.

— Что ж, если вы уж так настаиваете... — простонал Эмиль. — Спасибо, бабушка.

— Это я должна благодарить тебя, это я должна благодарить тебя, — ответила бабушка и погладила Эмиля по голове.

Потом Эмиль подал тёте букст. Торжественно развернули бумагу, и все растерялись — то ли плакать, то ли смеяться.

— Сухёные овощи! — заявила Пони.

— Ну конечно, они с вечера лежат без воды, — печально объяснил Эмиль. — Тут почему удивляться. Когда мы их вчера утром купили у Штáмницен, они были совсем свежие.

— Не сомневаюсь, не сомневаюсь, — сказала бабушка и поставила заливные цветы в поду.

— Может, ещё отойдут, — утешила его тётя Марта. — Ну, а теперь давайте обедать. Дядя придёт домой поздно. Пони, накрой на стол!

— Сейчас! — ответила девочка. — Эмиль, а что у нас на обед?

— Понятия не имею.

— А что ты больше всего любишь?

— Макароны с яичницей.

— Ну, значит, ты уже знаешь, что у нас на обед.

Собственно говоря, напуганно Эмиль уже ел макароны с яичницей. Но, по-первых, любимое блюдо можно есть хоть каждый день, а во-вторых, Эмилю казалось, что с последнего обеда в Нейштадте у мамы прошло не меньше недели. И он накинудся на макароны, словно он был голодным Грудайсом — Миллером — Кнеллингом.

После обеда Эмиль и Пони вышли на улицу, потому что Эмилю не терпелось опробовать маленький лицензированный велосипед Пони. Бабушка пришла на кухню. А тёти Марта несли яблочный пирог. Она славилась в семье своими яблочными пирогами.

Эмиль мчался по Шуманштрассе, а Пони бежала за ним и держалась за седло, уверяя, что это необходимо, но то её музеп унайт. Потом ему пришлось спешить, потому что Пони захотела продемонстрировать, как она делает восьмёрки и тройки.

И тут к ним подошёл полицейский с портфелем под мышкой и спросил:

— Скажите, где в доме пятнадцать живут Хеймбольды?

— Да, — сказала Пони. — Это мы. Одну минуту, господин майор.

Она поставила велосипед в подвал и вызвала его.

— Что-нибудь плохое? — спросил Эмиль, который всё ещё беспокоился из-за проклятого Йешке.

— Совсем наоборот. Это ты ученик Эмиль Тышбайн?

— Да, я.

— Ну, тогда я могу тебя от души поздравить!

— У кого это день рождения? — заинтересовалась Пони, которая, пернувшись из подвала, улынулась только последние слова.

Но полицейский ничего больше не сказал; он молча поднимался по лестнице. Тётя Марта ввела его в комнату. Бабушка проснулась и села на кушетку. Её лицо разбирало любопытство. Эмиль и Шапочка стояли у стола, спорили от нетерпения.

— Дело вот в чём, — начал полицейский, раскрывая портфель. — Бор, которого сегодня утром помог задержать ученик реального училища Эмиль Тышбайн, оказался не кем иным, как грабителем банка в Ганновере, которого разыскивают вот уже месяц. Он похитил большую сумму денег. Нашим специалистам удалось установить его личность. И он уже во всём признался. Почти все деньги нашлись — они были зашиты в подкладку его костюма. Ассигнации по тысяче марок.

— С ума сойти! — воскликнула Пони-Шапочка.

— Две недели назад, — продолжал полицейский, — банк назначил премию тому, кто поймает грабителя. И так как ты, — он обернулся к Эмилю, — задержал его, ты получишь эту премию. Господин комиссар полиции передаёт тебе привет, он рад, что ты вознаграждён за твоё мужество.

Эмиль поклонился.

И тут полицейский вынул из портфеля пачку денег и пересчитал их на столе, а тёти Марта, которая с вниманием следила за его жестами, прошептала:

— Тысяча марок!

— Вот это да! — воскликнула Пони.

Бабушка подписала квитанцию. И полицейский ушёл. Но перед этим тёти Марта угостила его стаканом наливки из дядино-го шкафа.

Эмиль сидел рядом с бабушкой; он был не в силах пронаести ни слова. Бабушка обняла его и сказала, покачивая головой:

— Прямо трудно поверить. Прямо трудно поверить.

Шапочка вскочила на стул и, дирижируя, словно в комнате находился хор, пропела:

— А вот теперь, а вот теперь мы всех мальчишек пригласим на чашку кофе.

— Да, — сказал Эмиль. — Это мы тоже сделаем. Но прежде всего... ведь теперь, собственно говоря, мама... как вы считаете?.. Мама может приехать в Берлин?..

Глава семнадцатая ФРАУ ТЫШБАЙН ВОЛНУЕТСЯ

На следующее утро жена булочника фрау Вирт из Нейштадта позвонила в дверь парикмахерши фрау Тышбайн.

— Доброе утро, фрау Тышбайн, — сказала она, войдя в квартиру. — Как поживаете?

— Доброе утро, фрау Вирт. Я так полнущу! До сих пор не получила ни строчки от сына. Как звонят в дверь, бегу, думаю, почтальон. Вас завить?

— Нет. Я зашла к вам, чтобы... короче, потому что мне надо вам кое-что сообщить.

— Я вас слушаю.

— Эмиль передаёт вам привет и...

— Бога ради, что с ним случилось?.. Где он? Что вам известно? — закричала фрау Тышбайн. Она ужасно разволновалась и в страхе всплеснула руками.

— Да с ним всё в порядке, дорогая. В полном порядке! Он поймал вора. Представляете! И полиция прислала ему в награду тысячу марок. Ну, что вы скажете? И все просят вас поехать в Берлин двенадцатичасовым поездом.

— А откуда вы всё это узнали?

— Ваша сестра только что позвонила из Берлина к нам в магазин. Эмиль тоже сказал несколько слов. Просил, чтобы вы приехали. Теперь, когда у вас столько денег, это ведь можно себе позволить.

— Вот оно что, вот оно что... да, конечно, — рассеянно бормотала фрау Тышбайн. — Тысяча марок? За то, что он поймал вора? Как это только ему ябрело в голову ловить вора? Всегда один только глупости у него на уме!

— Ну, как сказать! Тысяча марок — деньги немалые.

— Не говорите мне об этой тысяче марок!

— Конечно, бывают и большие несчастья. Так вы поедете?

— Ещё бы! У меня не будет ни минуты покоя, пока я не увижу Эмиля.

— Тогда пожелаю вам доброго пути. Надеюсь, эта поездка доставит вам удовольствие.

— Большое спасибо, фрау Вирт, — сказала парикмахерша и закрыла за гостей дверь, всё ещё недоумённо качая головой.

Уже в берлинском поезде фрау Тышбайн пережила ещё одно потрясение. Против неё какой-то господин читал газету. Фрау Тышбайн очень нервничала, взгляд её рассеянно блуждал по купе. Она глядела в окно, считала телеграфные столбы, чтобы хоть как-то скоротать время, и больше всего ей хотелось бежать за поездом, чтобы подтолкнуть его сзади, — ей казалось, он ползёт как черепаха. Она вертелась во все стороны, не находя себе места, и вдруг её взгляд случайно упал на газету, которую читал её сосед.

— Боже праведный! — воскликнула она и вырвала газету у него из рук.

Господин решил, что она внезапно сошла с ума, и не на шутку испугался.

— Вот, вот, — бормотала она. — Это мой сын. — И она ткнула пальцем в фотографию на первой странице.

— Да что вы говорите! — обрадовался господин. — Вы мать этого Эмиля Тышбайна? Отчаянный парень! Поздравляю вас, фрау Тышбайн, я восхищён!

— Восхищаться тут нечего, — сказала парикмахерша и стала читать статью. На первой странице стояло огромными буквами:

МАЛЕНЬКИЙ МАЛЬЧИК В РОЛИ СЫЩИКА.

СОТНЯ БЕРЛИНСКИХ РЕБЯТ ПРЕСЛЕДУЕТ ПРЕСТУПНИКА.

А под заголовком шёл захватывающий рассказ о приключениях Эмиля, начиная с вокзала в Нейштадте и кончая Управлением полиции в Берлине. Фрау Тышбайн стала бледной как полотно. И газета в её руках так и прыгала, словно её трепал

востер. А ведь окно в купе было закрыто. Господину не терпелось, чтобы она скорее дочитала статью. Но статья была очень длинной — она занимала почти всю первую страницу. И в середине была фотография Эмиля.

Наконец она отложила газету в сторону, поглядела на своего соседа и сказала:

— Вот остался один — и тут же выныдывает такие померя! Я ему так показывала быть осторожным, беречь эти сто сорок марок! Как он только мог поступить так неосмотрительно! Разве он не знает, что у нас нет лишних денег для воров!

— Видно, он устал. Может, даже вор его вагшиотизировал. Такие вещи, говорят, бывают, — сказал господин с газетой. — Но разве вас не восхищает, что мальчишка сумел вынудиться из такого положения? Это же гениально! Просто великолепно! Нет, в самом деле, просто великолепно!

— Да, конечно, — согласилась польщённая фрау Тышбайн. — Он у меня умница, мой мальчик. Первый ученик в классе. И к тому же такой прилежный. Но подумайте, если бы с ним что-нибудь случилось! У меня от этой истории волосы становятся дыбом, хотя всё уже позади. Нет, больше я его никуда не пушу одного. А то я просто умру от страха.

— Он похоже вышел на фотографии?

Фрау Тышбайн снова взглянула на газету и сказала:

— Да. Очень. Он вам нравится?

— Необычайно! — воскликнул господин с газетой. — Сразу видно, парень что надо. Из него выйдет толк.

— Вот только сесть ему надо было аккуратней. А то леджачок весь в складках, — придиралась мать. — Я ему всегда говорю: надо расстегнуть пуговицы, прежде чем сесть. Но он забывает!

— Если у него нет других недостатков... — рассмеялся господин.

— Да, недостатков у моего Эмиля, собственно говоря, нет, — призналась фрау Тышбайн и даже высморкалась от удивления.

Потом господин сошёл. Он оставил ей газету, и она всё читала и перечитывала приключения Эмиля, пока поезд не оста-

вился на вокзале Фридрихштрассе. Она успела прочитать эту статью ровно одиннадцать раз.

Когда поезд остановился, она увидела на перроне Эмиля; на нём был, в честь мамы, выходной костюм. Эмиль бросился ей на шею с криком:

— Ну, что ты на это скажешь?

— Только не задавайся, хвостун!

— Ах, фрау Тышбайн, как я рад, что ты приехала! — сказал Эмиль и взял её под руку.

— От всей этой беготни твой костюм не стал лучше, — заметила мама. Но она не сердилась, это было ясно.

— Если ты захочешь, у меня будет новый костюм.

— Каким образом?

— Один магазин намерен подарить мне, Профессору и Густаву новые костюмы, а потом сообщить в газете, что мы, юные сыщики, покупаем себе костюмы только у них. Одним словом, реклама. Понимаешь?

— Да, понимаю.

— Но мы, скорее всего, откажемся, хотя могли бы вместо скучных костюмов получить каждый по новому футбольному мячу, — рассказывал Эмиль. — Потому что, знаешь, мы считаем, что вся эта шумиха, которую вокруг нас подняли, просто глупа. Пусть взрослые этим занимаются, они ведь часто бывают такими чудными. Но для детей это не подходит.

— Браво! — воскликнула мама.

— Деньги дядя спрятал. Тысяча марок! Здорово, правда? Прежде всего мы купим электрическую сушилку для волос. И тебе шубу на меху. А мне что? Это я ещё обдумаю. Может, всё же футбольный мяч. А может, фотоаппарат. Посмотрим.

— Я думаю, лучше деньги эти сберечь, положить в банк. Потом они могут тебе очень пригодиться.

— Нет, мы обязательно купим тебе сушилку и шубу. То, что останется, можно отнести в банк, если хочешь.

— Это мы ещё обсудим, — сказала мама и сжала его локоть.

— Ты знаешь, во всех газетах помещены мои фотографии, и повсюду напечатаны обо мне длинные статьи.

— Одну я уже прочла в поезде. Я сперва очень волновалась, Эмиль! С тобой ничего плохого не случилось?

— Да что ты, мама! Наоборот, это было так здорово! Я тебе потом всё по порядку расскажу. Но сперва ты должна познакомиться с моими друзьями.

— А где они?

— На Шуманштрассе. У тёти Марты. Она вчера тут же стала печь яблочный пирог. И мы пригласили всю компанию: Они сидят сейчас там и веселятся.

И в самом деле, у Хеймбольтов было полным-полно гостей. Пришли и Густав, и Профессор, и Крумбигель, и братья Миттенцвей, и Вторник, и Герольд... Ну и все остальные. Стульев не хватало.

Поли-Шапочка бегала с огромным кофейником от одного к другому и разливала кофе. А яблочный пирог тёти Марты был такой вкусный, что ни в сказке сказать, ни пером описать! Бабушка сидела на кушетке и смеялась. Она помолодела на десять лет.

Когда появились Эмиль с мамой, началась длинная церемония приветствий. Фрау Тышбайн подала каждому мальчику руку и поблагодарила всех за то, что они так хорошо помогли ей Эмилю.

— Значит, договорились? — сказал Эмиль ребятам. — Мы откажемся от костюмов и от масок. Мы не позволим, чтобы нас использовали для рекламы. Так, что ли?

— Точно! — крикнул Густав и загудел так громко, что все цветочные горшки тёти Марты задребезжали.

Потом бабушка постучала ложкой о свою чашку с золотым ободком, встала и сказала:

— Слушайте внимательно, молодцы. Я хочу сказать речь. Пожалуйста, не воображайте, в не собираюсь вас хвалить. Вас и без меня до того захвалили, что у вас, наверно, голова пошла кругом. От меня этого не ждите. Нет, не ждите!

Дети совсем притихли, даже жевать перестали.

— Выслеживать вора, — продолжала бабушка, — гнаться за ним по пятам и в конце концов окружать его, когда вас это че-

ловек — велика заслуга. Может, нам это неприятно слушать, но это так. Но среди вас сидит мальчик, который тоже хотел бы ловить господина Грундайса, хотел бы париться, как Густав, в эссенскую липку и всё разузнать в гостинице. Но он остался дома, потому что ваялся дежурить у телефона. Да, только потому, что он за это взялся.

Все посмотрели на Вторника. Он сидел красный как рак от смущения.

— Совершенно верно. Я имею в виду маленького Вторника. Совершенно верно! — сказала бабушка. — Он два дня не отходил от телефона. Он знал, в чём заключается его долг. И он его выполнил, хотя ему это дело было не по душе. Вот это замечательно! Понятно? Вот это замечательно! Пусть он нам послужит примером! А теперь давайте все встанем и крикнем: «Да здравствует маленький Вторник!»

Мальчишки вскочили, Поли-Шапочка сложила руки растробом. Тётя Марта и мама Эмиля пришли из кухни. И все закричали:

— Да здравствует Вторник! Ура! Ура! Ура!

Потом все снова села. И маленький Вторник набрал воздуха и сказал:

— Спасибо. Но это вы зря. Любой из вас поступил бы точно так же. Ясно? Настоящий мальчишка всегда делает то, что надо. И всё!

Поли-Шапочка высоко подняла огромный кофейник и крикнула:

— Эй, люди, кому ещё налить? Давайте теперь выпьем за Эмиля!

Глава восемнадцатая

КАКОЙ УРОК ИЗ ЭТОГО МОЖНО ИЗВЛЕЧЬ?

К вечеру ребята простились. И Эмиль торжественно обещал, что придёт завтра после обеда вместе с Поли-Шапочкой к Профессору. Потом домой пришёл дядя Хеймбольт и соли ужина. А после ужина дядя передал фрау Тышбайн тысячу марок и посоветовал положить их в банк.

— Я так и собиралась, — сказала парикмахерша.

— Нет! — поскликинул Эмиль. — Тогда мне это не доставит никакой радости. Мама должна купить себе электросушилку и шубу. В конце концов, это ведь мои деньги. Я могу потратить их как хочу. Так или не так?

— Ты вовсе не можешь сделать с ними, что хочешь, — объяснил дядя Хеймбольт. — Ты ещё ребёнок. И поэтому решать, что делать с деньгами, может только твоя мама.

Эмиль встал из-за стола и отошёл к окну.

— До чего же ты не чуткий, Хеймбольт! — сказала Пони-Шапочка своему отцу. — Да разве ты не видел, как Эмиль радовался, что может сделать маме подарок? Вы, взрослые, иногда до того недогадливы, что просто диву даёшься!

— Конечно, надо купить сушилку и шубу, — сказала бабушка. — Но то, что останется, вы отнесёте в банк, ведь верно, мой мальчик?

— Да, — ответил Эмиль. — Ты согласна, мамочка?

— Если ты так настаиваешь...

— Завтра утром отправимся за покупками. Ты, Пони, пойдёшь с нами? — спросил Эмиль, и было видно, что он очень доволен.

— А ты, верно, думал, что я буду в это время считать мух на потолке, так, что ли? — ответила кузина. — Но ты тоже должен себе что-нибудь купить. Если тётя Тышбайн получит эту сушилку, то ты себе должен купить велосипед, понятно? Чтобы не ломать велосипед своей кузины.

— Эмиль, — встревоженно спросила фрау Тышбайн, — ты что, сломал велосипед Пони?

— Да что ты, мама, я просто чуть-чуть опустил седло — оно у неё всегда поднято слишком высоко, чтобы мчаться, как гонимый. Фасонят, и всё!

— Сам ты фасонят! — крикнула Шапочка. — Если ты ещё раз опустишь седло, мы поссоримся.

— Если бы ты не была девочкой, я бы тебя сейчас отлупил, деточка. А кроме того, я не хочу сегодня портить себе настроение, но учти: не тебе решать, что я куплю, а что — нет.

И Эмиль упрямо засунул руки в карманы.

— Не ссорьтесь и не деритесь. Лучше уж сразу выпарайте друг другу глаза, — миролюбиво посоветовала бабушка.

Позже вечером дядя Хеймбольт вышел погулять с собакой. Собственно говоря, у Хеймбольтов не было никакой собаки, но, когда отец по вечерам выходил выпить кружку пива, Пони всегда говорила: «Пошёл погулять с собакой».

Бабушка, обе мамы, Пони-Шапочка и Эмиль сидели вместе в комнате и обсуждали события двух последних дней, которые принесли столько волнений.

— А может, вся эта история чему-нибудь нас научит?

— Конечно, — сказал Эмиль. — Меня, например, тому, что людям нельзя доверять.

— Глупости, — проворчала бабушка. — Всё как раз наоборот. Всё как раз наоборот.

— Глупости, глупости, глупости, — пропела Пони-Шапочка и проскакала на стуле по комнате.

— Так ты считаешь, что из всего этого нельзя извлечь ничего полезного? — спросила тётя Марта.

— Почему? Можно, — сказала бабушка.

— Что же? — спросили все в один голос.

— Деньги надо посылать только по почте! — И бабушка захихикала мелодично, как музыкальный ящик.

— Ура! — закричала Пони-Шапочка и проскакала на стуле в свою комнату. Пора было ложиться спать.